

АЛЕКСАНДР ДЮМА
ИОАННА
НЕАПОЛИТАНСКАЯ

Александр Дюма
Иоанна Неаполитанская
Серия «История
знаменитых преступлений»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178301
История знаменитых преступлений: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-25149-0*

Аннотация

«Знаменитые преступления» Александра Дюма-отца, быть может, известны менее его романов, однако не менее значимы в его творчестве. Это собрание интригующих историй о знаменитых преступниках и преступлениях в европейской истории – от эпохи Возрождения до XIX столетия, от Англии до России – представляет читателю живописную и устрашающую картину яростных страстей и ярких событий.

Вся человеческая мудрость заключается в двух словах: ждать и надеяться.

Содержание

Александр Дюма

Иоанна Неаполитанская

(1343–1382)

В ночь с 15 на 16 января 1343 года мирно почивавшие жители Неаполя были внезапно разбужены колоколами всех трехсот церквей этого благословенного столичного города. Первое, что со страхом подумал каждый после столь неожиданного пробуждения: либо город с четырех концов охвачен огнем, либо вражеская армия, таинственным образом высадившаяся под покровом ночи на берег, собирается беспощадно перерезать всех горожан. Однако по заунывному прерывистому звону со всех городских колоколен, что перемежался лишь редкими равными паузами, звону, призывавшему верующих помолиться за тех, кто при смерти, все вскоре поняли, что городу никакая беда не угрожает, в опасности только король.

Действительно, уже много дней было заметно, что в королевском замке Кастельнуово царит сильное беспокойство: дважды в день созывались королевские сановники, а вельможи, имевшие право беспрепятственного входа в монаршие покои, выходили оттуда весьма удрученные и печальные. И хотя смерть короля воспринималась как неизбежное несчастье, тем не менее, когда стало ясно, что пришел его послед-

ний час, весь город испытывал искреннее горе, которое легко станет понятно, если мы поясним: после тридцати трех лет восьми месяцев и нескольких дней царствования умирал Роберт Анжуйский¹, самый справедливый, мудрый и прославленный король из всех, кто когда-либо занимал трон Сицилии. Он сходил в могилу, провожаемый сожалениями и восхвалениями всех своих подданных.

Воины с восторгом рассказывали о долгих войнах, которые он вел с Федерико и Педро Арагонским, с Генрихом VII и Людовиком Баварским², и сердца их начинали сильнее биться при воспоминаниях о славных походах в Ломбардию и Тоскану; священнослужители с благодарностью превозносили его за то, что он неизменно защищал пап от гибеллинов³ и основывал по всему королевству монастыри, больницы, церкви; ученые считали его самым образованным коро-

¹ *Роберт* (1265–1343) – с 1309 г. неаполитанский король из Анжуйской династии, прозванный Мудрым.

² *Педро III Великий* (1239–1285) – король Арагона с 1276 г., поддержал восстание сицилийцев в 1282 г. против Анжуйской династии, после чего на сицилийский трон была призвана Арагонская династия; *Федерико I Арагонский* – с 1291 г. правитель, с 1296 по 1337 г. король Сицилии, после многолетней войны в 1302 г. добился признания окончательного отпадения Сицилии от Анжуйского дома; *Генрих VII* (ок. 1275–1313) – с 1308 г. германский король и император Священной Римской империи, в 1310 г. вторгся в Италию, желая подчинить ее империи; *Людовик IV Баварский* (1287–1347) – германский король в 1314 г., император Священной Римской империи с 1328 г., в 1327 г. объявил себя королем Италии.

³ *Гибеллины* – в средневековой Италии политическая партия сторонников императорской власти, противники партии гвельфов, защищавших власть пап.

лем христианского мира: сам Петрарка пожелал принять поэтический венец только из его рук и три дня подряд отвечал на вопросы из всех отраслей человеческого знания, которые соблаговолил задавать ему король Роберт. Юристы восхищались мудростью законов, которыми он обогатил неаполитанский кодекс, и дали ему имя Соломона Средневековья; дворянство было довольно тем, что он уважает его привилегии; народ славил его великодушие, милосердие и набожность. Одним словом, служители церкви и воины, ученые и поэты, дворяне и простонародье со страхом думали о том, что власть перейдет в руки чужестранца и юной девушки, и вспоминали, как король Роберт, провожая гроб своего единственного сына Карла, у входа в церковь повернулся к баронам королевства и, рыдая, воскликнул: «В день сей корона упала с моей головы! Горе мне! Горе вам!»

И теперь, когда колокольный звон возвещал, что добрый король при смерти, у каждого в памяти всплыли эти пророческие слова; женщины иступленно молились, а мужчины со всех концов города устремились к королевской резиденции в надежде незамедлительно узнать самые верные новости, однако после недолгого ожидания, которым они воспользовались, чтобы обменяться соображениями насчет близящегося грустного события, им пришлось вернуться несолоно хлебавши, поскольку ничего из происходящего в лоне монаршей семьи не проникало наружу: замок был погружен в полную темноту, мост, как обычно, поднят, стража

бодрствовала на постах.

Тем не менее, если читателям любопытно присутствовать при агонии внучатого племянника Людовика Святого и внука Карла Анжуйского⁴, мы можем провести их в комнату, где находился умирающий. Свисающая с потолка лампа из алебастра освещала этот большой, мрачный покой, стены которого были обтянуты черным бархатом, затканном золотыми лилиями. Вели в этот покой две двери, но сейчас они были закрыты; у противоположной стены на витых колонках с резными символическими фигурами возвышалось эбеновое ложе под парчовым балдахином. Король только что перенес жесточайший приступ и, обессиленный, поник на руки своего исповедника и врача, каждый из которых, завладев одной рукой умирающего, считал пульс, после чего они обменялись многозначительными взглядами. В ногах кровати, молитвенно сложив руки и возведя глаза к небу, стояла со скорбным и смиренным видом женщина лет пятидесяти. То была королева. В глазах у нее не было слез, а желто-восковой оттенок впалых щек наводил на мысль о мощах святых, чудом избегнувших тления. Внешность ее являла собой тот контраст умиротворенности и страдания, что свидетельствует о душе, перенесшей несчастье и нашедшей утешение в религии. Через час, в течение которого ничто не наруша-

⁴ *Людовик IX Святой* (1214–1270) – французский король с 1226 г., возглавил VII (1248 г.) и VIII (1270 г.) Крестовые походы; *Карл I Анжуйский* (1226–1285) – брат Людовика Святого, в 1268 г. получил от папы Урбана VI Неаполитанское и Сицилийское королевства, основатель Анжуйской династии.

ло полную тишину, царящую у смертного одра, король чуть шевельнулся, открыл глаза и попытался приподнять голову. Затем, поблагодарив улыбкой врача и священника, которые тотчас же принялись поправлять ему подушки, он попросил королеву подойти ближе и сказал, что хочет несколько минут поговорить с нею без свидетелей. Врач и духовник тут же удалились с глубоким поклоном, и король следил взглядом, как они уходят, пока за ними не затворилась одна из дверей. Он провел рукой по лбу, как бы прогоняя какую-то неотвязную мысль, и, собрав все силы, заговорил:

– То, что я вам скажу, государыня, ни в коей мере не касается этих двух достойных людей, которые только что были здесь, ибо их труд завершен. Один из них сделал для моего тела все, что могла ему подсказать наука, добившись лишь продления агонии, а второй дал моей душе отпущение всех грехов, посулив божественное прощение, однако не сумел отогнать ужасные видения, что встают предо мной в этот страшный час. Дважды подряд вы видели, как я вырывался из сверхчеловеческих объятий. Чело мое покрывалось потом, члены утрачивали гибкость, я кричал, но мои крики заглушала некая железная рука. Может, то был злой дух, которому Господь дозволил мучить меня? А может, угрызения совести, принявшие облик призрака? Но как бы то ни было, эти два сражения настолько ослабили мои силы, что третьего приступа я уже не перенесу. Так что выслушайте меня, моя Санча, я хочу дать вам несколько советов, от которых, быть

может, зависит покой моей души.

– Мой государь и повелитель, – кротким голосом отвечала королева, – я готова выслушать ваши повеления, а если Господь Бог в непостижимой мудрости своей решил призвать вас к себе, а нас погрузить в скорбь, знайте, ваша последняя воля самым точным образом будет выполнена на земле. Но позвольте мне, – заботливо и боязливо произнесла она, – окропить эту комнату святой водой, дабы изгнать из нее злого духа, и прочитать отрывок из тропаря, который вы написали в честь вашего святого брата, и молить его о заступничестве, ибо оно нам сейчас так необходимо.

Раскрыв молитвенник в богатом окладе, она с пылкой набожностью прочла несколько стихов тропаря, который Роберт написал на чрезвычайно изящной латыни для своего брата Людовика, Тулузского епископа, тропаря, который пели в церкви вплоть до Тридентского собора⁵.

Убаюканный гармонией молитвы, сочиненной им самим, король почти позабыл о предмете разговора, о котором он просил с такой настойчивостью и торжественностью, и, исполненный смутной грусти, глухо пробормотал:

– Да, да, вы правы: молитесь за меня. Ведь вы – святая, а я – всего лишь несчастный грешник.

– Не говорите так, государь, – прервала его донья Сан-

⁵ *Тридентский собор* – Вселенский собор католической церкви, происходивший в 1545–1563 гг. в Тренто (*лат.* Тридент), на котором, в частности, были проведены некоторые реформы в католической литургии.

ча. – Вы – самый великий, мудрый и справедливый король из всех, кто когда-либо всходил на неаполитанский престол.

– Но престол узурпирован, – возразил Роберт, – вы же знаете, королевство должно было принадлежать Карлу Мартеллу⁶, моему старшему брату, а поскольку Карл занимал трон Венгрии, который он унаследовал через свою мать, Неаполитанское королевство по праву должно было перейти к его старшему сыну Кароберту⁷, а не ко мне: я ведь был третьим в роду. Да, я страдал, оттого что меня короновали вместо племянника, который был единственным законным королем, я заменил старшую ветвь на младшую и тридцать три года подавлял угрызения совести. Действительно, я выигрывал битвы, издавал законы, строил церкви, но одно слово зачеркивает все пышные титулы, которыми народная любовь окружила мое имя, и это слово звучит в моей душе стократ громче, чем все льстивые слова придворных, песни поэтов и народные рукоплескания. Это слово – узурпатор!

– Не будьте столь несправедливы к себе, государь, и вспомните, что если вы не отреклись в пользу законного наследника, то лишь потому, что желали избавить народ от величайших несчастий. К тому же, – продолжала королева с глубокой убежденностью, которую дает неопровержимый

⁶ *Карл Мартелл* – старший брат Роберта Анжуйского, в 1290 г. был избран королем Венгрии, но так и не смог до самой смерти в 1295 г. получить престол, захваченный Андреем III, последним представителем династии Арпадов.

⁷ *Кароберт (Карл Роберт)* (1288–1342) – сын Карла Мартелла, с 1308 г. венгерский король, основатель Анжуйской династии в Венгрии.

аргумент, – вы сохранили за собой королевство с одобрения и соизволения его святейшества папы, который распоряжается им как леном, принадлежащим церкви.

– Я долго прятался за этой отговоркой, – отвечал умирающий, – и власть папы вынуждала мою совесть молчать, но, как ни притворяйся спокойным, наступает страшный и торжественный час, когда все иллюзии развеиваются. Этот час настал для меня: я скоро предстану перед Господом, единственным непогрешимым судьей.

– Да, правосудие его непогрешимо, но разве милосердие его не безгранично? – воскликнула королева в порыве святого вдохновения. – Но даже если бы страх, что терзает вас ныне, имел основания, неужели столь благородное раскаяние не искупило бы любой грех? И к тому же разве вы не искупили вину перед вашим племянником Каробертом, призвав в Неаполь Андрея, его младшего сына, и выдав за него Иоанну, старшую дочь вашего Карла? Разве не они станут наследниками вашего престола?

– Увы, – сокрушенно вздохнул Роберт, – возможно, Бог карает меня за то, что я слишком поздно додумался до этого справедливого возмещения. О моя добрая и благородная Санча, сейчас вы затронули струну, что скорбно дрожит у меня в душе, и опередили печальное признание, которое я намеревался вам сделать. У меня мрачное предчувствие, а предчувствия, которые внушает нам смерть, всегда пророческие. Я предчувствую, что оба сына моего племянника –

Людовик⁸, ставший королем Венгрии после смерти своего отца, и Андрей, которого я хотел сделать королем Неаполя, – станут причиной страшных бедствий для моего дома. С того дня, как Андрей вступил в наш замок, некий странный рок ожесточенно рушит все мои планы. Я решил, чтобы Иоанна и Андрей воспитывались вместе, в надежде, что между детьми установится душевная близость, что красота нашего неба, любезность наших нравов, пленительная картина нашего двора в конце концов смягчат все грубое, резкое в характере юного венгра, но, несмотря на мои усилия, все способствовало возникновению между супругами отвращения и холодности. Иоанна гораздо старше своего возраста, своих неполных пятнадцати лет. Одаренная блестящим и энергичным умом, благородным и возвышенным характером, живым и пылким воображением, то дерзкая и игривая, как дитя, то внушающая трепет и надменная, как королева, доверчивая и простодушная, как юная девушка, страстная и мягкосердечная, как женщина, она являет собой разительную противоположность Андрею, который, пробыв десять лет при нашем дворе, стал еще более нелюдимым, угрюмым, строптивым. Его правильные и холодные черты, бесстрастное лицо, отвращение ко всем развлечениям, которые более всего по сердцу его жене, воздвигли между ним и Иоанной стену равнодушия и неприязни. На самые нежные излияния

⁸ Людовик (Лайош) I Великий (1326–1382) – сын Кароберта, с 1342 г. король Венгрии.

чувств он отвечает либо холодным, небрежно брошенным словом, либо презрительной улыбкой, либо хмурой миной, и счастливым выглядит только тогда, когда под предлогом выезда на охоту может покинуть двор. Вот каковы, государыня, юные супруги, на головы которых будет возложена моя корона и которые очень скоро окажутся игралищами страстей, что глухо бурлят под обманчиво спокойной внешностью и только ждут, когда я испущу последний вздох, чтобы вырваться наружу.

– Боже мой! Боже мой! – горестно повторяла королева, опустив руки вдоль тела, подобно надгробным изваяниям, олицетворяющим скорбь.

– Выслушайте меня, донья Санча. Я знаю, ваше сердце всегда отвергало мирскую тщету, и вы ждете, когда Господь призовет меня к себе, чтобы удалиться в монастырь Санта-Мария-делла-Кроче, который вы основали в надежде закончить там свои дни. Нет, не подумайте, что в этот час, когда я готовлюсь сойти в могилу, убежденный в ничтожности всякого земного величия, я стану отвращать вас от вашего святого призвания. Обещайте мне только, что, прежде чем дать обет Господу, вы год будете носить вдовий наряд и в течение этого года будете оберегать Иоанну и ее супруга, отводя от них опасности, которые им грозят. Вдова великого сенешаля и ее сын приобрели уже слишком большое влияние на нашу внучку; будьте же, государыня, настороже и среди всех партий, интриг и соблазнов, которые окружают юную

королеву, будьте особо недоверчивы к ласковости Бертрана д'Артуа, красоте Людовика Тарантского и честолюбию Карла, герцога Дураццо.

Обессиленный столь долгой речью, король умолк, потом, обратив к королеве молящий взгляд, протянул к ней исхудалую руку и чуть слышно произнес:

– Заклинаю вас, не покидайте двор, прежде чем не пройдет год. Вы обещаете мне это, государыня?

– Обещаю, ваше величество.

– А теперь, – промолвил король, чье лицо просияло после обещания королевы, – позовите духовника и врача и соберите всю семью. Час близится, и скоро у меня уже не будет сил высказать последнюю волю.

Через несколько секунд в комнату вошли священник и доктор, лица их были залиты слезами. Король сердечно поблагодарил их за великие заботы, которые они проявляли во время его предсмертной болезни, и попросил помочь ему облачиться в грубое одеяние монахов-францисканцев, чтобы, как сказал он, Господь, увидев, что он умер в нищете, смиренности и раскаянии, скорей и с большей охотой удостоил его прощения. Исповедник и врач обули босые ноги короля в сандалии, какие носят нищенствующие братья, надели рясу св. Франциска⁹ и перепоясали веревкой. Лежащий на ложе неаполитанский король со скрещенными на груди руками,

⁹ *Св. Франциск Ассизский* (1182–1226) – итальянский проповедник, основатель первого ордена нищенствующих монахов, названного францисканским.

длинной седой бородой и редкими волосами вокруг темени был поразительно похож на старого отшельника, вся жизнь которого прошла в умерщвлении плоти, а душа, захваченная небесными видениями, постепенно переходит в последнем экстазе к вечному блаженству. Некоторое время он лежал с закрытыми глазами, обращаясь к Богу с немой мольбой, затем приказал осветить комнату, как в дни больших торжеств, и дал знак врачу и исповеднику, один из которых стоял в изножье, а второй у изголовья кровати. В тот же миг широко распахнулись двери, и в покой вступила вся королевская семья, возглавляемая королевой и сопровождаемая самыми могущественными баронами королевства; все они встали вокруг ложа короля, дабы выслушать его последнюю волю.

Королевский взор обратился к Иоанне, стоящей первой по правую руку, и взор этот был полон неизъяснимой нежности и скорби. Она была наделена столь редкостной и столь чудесной красотой, что король, ослепленный ею, принял внучку за ангела, которого ему ниспослал Бог, желая утешить его в смертный час. Великолепная линия прекрасного профиля, огромные черные влажные глаза, чистый высокий лоб, волосы цвета воронова крыла, нежный рот; одним словом, ее восхитительное лицо оставляло в сердце всякого, кто ее видел, ласковое и грустное ощущение, глубоко и надолго врезавшееся в память. Она была высока и стройна, без чрезмерной тонкости, присущей юным девушкам, и сохранила гибкость и беспечность в движениях, благодаря чему

стан ее при ходьбе чуть покачивался, подобно стеблю цветка, колеблемого легким ветерком. Но под беспечной и наивной прелестью в наследнице короля Роберта уже можно было угадать сильную волю, готовую бросить решительный вызов всем препятствиям, а темные круги, какими были обведены ее глаза, свидетельствовали, что душа ее уже опустошена рано проявившимися страстями.

Рядом с Иоанной стояла ее младшая сестра Мария, которой шел тринадцатый год, тоже дочь Карла, герцога Калабрийского, который умер, не увидев ее, и Марии де Валуа, покинувшей ее, когда та была еще в колыбели. Поразительно красивая и робкая, она, похоже, смущалась, оказавшись в собрании столь важных особ, и ласково прижималась к вдове великого сенешаля Филиппе по прозвищу Катанийка, воспитательнице принцесс, которую они чтили, как мать. Позади принцесс, рядом с Филиппой стоял ее сын Роберт Кабанский, красивый, стройный, высокомерный молодой человек; левой рукой он поглаживал усики и украдкой бросал время от времени на Иоанну дерзостные взгляды. Замыкали группу молоденькая статс-дама принцесс донна Конча и граф Терлицци, который обменивался с нею то быстрым взглядом, то непонятной улыбкой.

Вторую группу составляли Андрей, супруг Иоанны, и монах брат Роберт, воспитатель молодого принца, сопровождавший его из Буды и не покидавший ни на минуту. В ту пору Андрею было лет восемнадцать; по первому впечат-

лению его лицо, обрамленное прекрасными светлыми волосами, поражало благородством, красотой и исключительной правильностью черт, однако в сравнении с пылкостью и живостью окружающих итальянских лиц ему недоставало выразительности, взгляд его казался потухшим, а некая суровость и холодность свидетельствовали об угрюмом характере и чужеземном происхождении. Что же касается воспитателя, Петрарка озаботился оставить нам его портрет: багровое лицо, рыжие волосы и борода, короткое, кривобокое туловище, надменный в ничтожности, обильный мерзостью, он, подобно Диогену, кое-как скрывал под рясой свое уродливое, бесформенное тело.

В третьей группе стояла вдова Филиппа, принца Тарантского, брата короля, удостоенная при Неаполитанском дворе титула императрицы Константинопольской, каковой титул она унаследовала как внучка Бодуэна II¹⁰. Человек, привычный читать в темных глубинах людских душ, с первого же взгляда понял бы, сколько неумолимой ненависти, ядовитой зависти, ненасытного тщеславия скрывает мертвенная бледность этой дамы. Она была окружена тремя своими сыновьями, Робертом, Филиппом и Людовиком, самым младшим из троих. Если бы король захотел выбрать из своих племянников самого красивого, благородного, отважного, ни у

¹⁰ *Бодуэн II* (1217–1273) – с 1228 по 1261 г. император Латинской империи, основанной участниками IV Крестового похода в Византии после взятия ими в 1204 г. Константинополя и рухнувшей в 1261 г.

кого не возникло бы сомнения, что венец получил бы Людовик Тарантский. В двадцать три года он превзошел в воинских упражнениях самых прославленных рыцарей; прямодушный, верный, мужественный, Людовик никогда не взялся бы за исполнение какого-нибудь плана, не будучи уверен в его осуществимости. Его чело излучало прозрачный свет, который у избранных натур является как бы победным ореолом; взгляд его мягких и бархатистых черных глаз проникал в самую душу, лишая способности к сопротивлению, а ласковая улыбка утешала побежденного в его поражении. С детства отмеченному особой печатью, ему достаточно было только пожелать: неведомая сила, добрая фея, стоявшая при его рождении у колыбели, тотчас же устраняла все препятствия и исполняла все его желания.

Почти рядом с ним в четвертой группе хмурил брови его двоюродный брат Карл, герцог Дураццо. Его мать Агнесса, вдова Иоанна, герцога Дураццо и Албании, второго брата короля, со страхом смотрела на него и инстинктивно прижимала к груди своих младших детей – Людовика, графа Гравины, и Роберта, князя Морей. Карл с бледным лицом, короткими волосами и густой бородой подозрительно поглядывал то на своего умирающего дядю, то на Иоанну и Марию, то на своих кузенов; он, казалось, был настолько возбужден сумбурными мыслями, что не мог стоять на месте. Его тревожность и волнение составляли особо разительный контраст со спокойным и безмятежным лицом Бертрана д'Артуа, который,

пропустив вперед своего отца Карла, приблизился к королеве, стоящей в изножье кровати, и благодаря этому оказался напротив Иоанны. Молодой человек был так захвачен красотой принцессы, что, похоже, никого больше и не видел.

Как только Иоанна и Андрей, герцоги Тарантский и Дуратцо, графы д'Артуа и королева Санча встали полукругом в описанном нами порядке возле смертного одра, из рядов баронов, теснящихся в соответствии со своим рангом позади принцев крови, вышел вице-канцлер королевства, поклонился королю, развернул пергамент, скрепленный королевской печатью, и в полнейшей тишине торжественным голосом начал читать:

– «Роберт, Божьей милостью король Сицилии и Иерусалима, граф Прованса, Форкалькье и Пьемонта, викарий Святой Римской церкви, называет и объявляет своей полной наследницей в Королевстве Сицилия по ту и эту сторону Мессинского пролива, а равно и в графствах Прованс, Форкалькье и Пьемонт и во всех других своих землях Иоанну, герцогиню Калабрийскую, старшую дочь блаженной памяти светлейшего сеньора Карла, герцога Калабрийского.

Равно он называет и объявляет сиятельную девицу Маршу, младшую дочь покойного сеньора герцога Калабрийского, своей наследницей в графстве Альба и в сеньориальном владении в долине Грати и на земле Джордано со всеми замками и угодьями, находящимися в них, и повелевает, чтобы

названная девица получила их как ленное владение от вышеупомянутой герцогини и ее наследников, при том, однако, условии, что ежели госпожа герцогиня дает и выплачивает своей сиятельной сестре либо ее правонаследникам в качестве возмещения сумму в десять тысяч унций золота, вышеназванные графство и сеньориальное владение остаются госпоже герцогине и ее наследникам.

Равно он желает и повелевает в соответствии с тайными причинами, кои вынуждают его так действовать, чтобы названная девица Мария заключила брак со светлейшим государем Людовиком, нынешним королем Венгрии. Ежели возникнет какое-либо препятствие сему браку, поскольку, говорят, заключен и подписан договор о браке короля Венгрии с дочерью короля Богемии, наш государь король повелевает, чтобы сиятельная девица Мария заключила брак со старшим сыном его высочества дона Иоанна, герцога Нормандского, старшего сына нынешнего короля Франции».

Тут герцог Дураццо бросил на Марию весьма красноречивый взгляд, ускользнувший от внимания присутствующих, так как все они сосредоточенно слушали завещание короля Роберта. Ну а что касается юной принцессы, то она, как только услышала свое имя, залилась краской и, скованная и смущенная, не осмеливалась даже поднять глаз. Вице-канцлер продолжал:

– «Равно он пожелал и повелел, чтобы всегда

и навечно герцогства Форкалькье и Прованс были соединены с его королевством под общей властью, составляя единое нераздельное владение, сколько бы ни было сыновей или дочерей и какие бы иные причины для раздела ни возникали, ибо такое единство диктуется высшими интересами безопасности и взаимного процветания королевства и вышеназванных графств.

Равно он постановил и повелел, что в случае, ежели герцогиня Иоанна скончается, от чего избави нас Боже, не оставив после себя законных детей, сиятельный сеньор Андрей, герцог Калабрийский, ее супруг, получит Салернское княжество с титулом, доходами, рентами и всеми правами, а также ренту в две тысячи унций золота на содержание.

Равно он постановил и повелел, что в особенности королева, а также преподобный отец дон Филипп де Кабассоль, епископ Кавайонский, вице-канцлер Королевства Сицилия, и достославные сеньоры Филипп де Сангинетто, сенешаль Прованса, Годфруа де Марсан, граф Скиллаче, адмирал королевства, и Карл д'Артуа, граф Эрский, станут и должны быть наставниками, регентами и управителями вышеназванного сеньора Андрея и вышеназванных дам Иоанны и Марии до той поры, пока господин герцог, госпожа герцогиня и сиятельнейшая девица Мария не достигнут двадцатипятилетия и проч. и проч.».

Когда вице-канцлер закончил чтение, король приподнял-

ся, сел, обвел взглядом все свое многочисленное семейство и молвил:

— Дети мои, вы только что выслушали мою последнюю волю. Я созвал всех вас к своему смертному ложу, чтобы вы могли воочию увидеть, как проходит слава мира сего. Те, кого народ называет земными владыками, при жизни должны исполнять великие обязанности, а после смерти дать великий отчет, и в этом-то заключается их величие. Я царствовал тридцать три года. Господь, перед которым я вот-вот предстану и к которому я обращал вздохи на протяжении всего своего долгого и трудного жизненного пути, один ведает, какие мысли рвут мне душу в мой смертный час. Скоро я успокоюсь в могиле и останусь жить лишь в памяти тех, кто будет молиться за меня. Но прежде чем я навсегда покину вас, мои дважды дочери, которых я любил удвоенной любовью, вас, мои племянники, к которым я был заботлив и ласков, как отец, пообещайте мне всегда быть едиными душой и помыслами, как вы едины в сердце моем. Я пережил ваших отцов, хоть и был самым старшим из всех, и, несомненно, Господь постановил так, дабы укрепить узы ваших чувств, приучить вас жить единой семьей и почитать одного главу. Я равно всех вас люблю, никого не исключая и никому не делая предпочтения. Я распорядился троном, следуя закону природы и внушениям своей совести. Вот наследники неаполитанской короны. Вы, Иоанна, и вы, Андрей, никогда не забывайте об уважении и любви, что должны питать друг к другу супру-

ги, в чем вы оба клялись перед алтарем, а вы, мои племянники, мои бароны, мои сановники, оказывайте покорность вашим законным государям. Андрей Венгерский, Людовик Тарантский, Карл Дураццо, помните, что вы братья, и горе тому, кто совершит каинов грех! Да падет кровь на его голову, да будет он проклят небом так же, как проклинали его уста умирающего, и да низойдет в миг, когда милосердный Господь примет мою душу, на людей доброй воли благословение Отца, Сына и Святого Духа.

Произнеся это, король остался недвижим, воздев руки и возведя взор к небу; щеки его необычайно порозовели, а в это время принцы, бароны и придворные сановники приносили Иоанне и ее супругу клятву верности и покорности. Когда настал черед герцога Дураццо, Карл презрительно прошел мимо Андрея, преклонил колена перед Иоанной и, поцеловав ей руку, громко произнес:

– Только вам, моя королева, я приношу свою покорность.

Все глаза в страхе обратились к умирающему, но добрый король уже ничего не слышал. Видя, что он поник и не двигается, донья Санча разразилась рыданиями и воскликнула прерывающимся от слез голосом:

– Король умер, помолимся за его душу!

Но в ту же секунду все принцы ринулись прочь из комнаты, и страсти, которые до сих пор сдерживало присутствие короля, разом вырвались наружу, словно поток, прорвавший плотину.

– Да здравствует Иоанна! – первыми закричали Роберт Кабанский, Людовик Тарантский и Бертран д’Артуа, меж тем как воспитатель принца в ярости прошел через толпу и сделал громогласный выговор членам регентского совета:

– Господа, вы уже забыли про волю короля! Следует также возглашать: «Да здравствует Андрей!»

Он поднял такой шум, что к нему стеклись все бароны, и тогда, соединяя теорию с практикой, брат Роберт звучно прокричал:

– Да здравствует неаполитанский король!

Но клич этот никем не был поддержан, а Карл Дураццо, смерив доминиканца грозным взглядом, подошел к королеве, взял ее за руку и распахнул занавес балкона, с которого открывалась площадь и весь город. Везде, куда достигал взгляд, толпились люди, их заливали потоки света, и все они тянули головы к балкону замка Кастильнуово, стремясь не пропустить ни слова из того, что им сейчас объявят. И тогда Карл, почтительно отступив в сторону и указав на свою прекрасную кухню, крикнул:

– Народ Неаполя, король умер, да здравствует королева!

– Да здравствует Иоанна, королева Неаполитанская! – в едином порыве вскричал народ, и этот громовой крик отозвался во всех кварталах города.

События, которые со стремительностью сновидения произошли этой ночью, произвели на Иоанну столь глубокое впечатление, что, раздираемая тысячью противоположных

чувств, она удалилась в свои покои и дала выход печали. Пока вокруг гроба неаполитанского монарха бурлили самые разные страсти, юная королева, отказавшись принимать соболезнования от кого бы то ни было, горько оплакивала смерть деда, любившего ее так сильно, что порой его любовь доходила до попустительства. Короля торжественно погребли в церкви Санта-Кьяра, которую он сам основал и посвятил Святому причастию, велел обильно изукрасить ее великолепными фресками Джотто¹¹ и многими драгоценными реликвиями; из них до наших дней сохранились стоящие позади главного алтаря две колонны белого мрамора, похищенные из храма Соломонова. Еще и сейчас в этой церкви можно видеть изображения короля Роберта – одно в королевском одеянии, другое в монашеской рясе, – стоящие на его гробнице справа от изваяния его сына Карла, герцога Калабрийского.

Сразу же после похорон воспитатель Андрея поспешил собрать самых важных венгерских вельмож и на этом совете, проходившем с одобрения и в присутствии принца, настоял на принятии следующего решения: отправить письма с сообщением о завещании короля Роберта матери Андрея Елизавете Польской и его брату Людовику Венгерскому, а

¹¹ *Джотто ди Бондоне* (1266/67—1337) – великий итальянский живописец Раннего Ренессанса, в 1328 г. был приглашен королем Робертом работать в Неаполе.

также отослать папской курии в Авиньон¹² жалобы на поведение принцев и неаполитанского народа, провозгласивших, презрев права ее супруга, одну лишь Иоанну королевой Неаполя, и испросить для него коронационную буллу. Брат Роберт, который соединял глубокое знание придворных интриг с опытом ученого и коварством монаха, намекнул своему воспитаннику, что необходимо воспользоваться подавленностью, в какую, похоже, повергла Иоанну смерть короля, и не дать ее фаворитам времени обольстить ее и опутать своими советами.

Но чем острее и глубже была скорбь Иоанны, тем скорей она утешалась; рыдания, которые, казалось, надрывают ей грудь, утихали, на смену мрачным мыслям приходили куда более приятные, слезы высыхали, и влажные глаза озарялись улыбкой, подобной лучу солнца после грозового ливня. Эту перемену старательно подстерегали, нетерпеливо ждали, и первой заметила, что она произошла, юная статс-дама Иоанны; она проскользнула в комнату королевы и, пав на колени, ласковым голосом в самых нежных словах принесла поздравления своей прекрасной повелительнице. Иоанна раскрыла объятия и прижала ее к сердцу; донна Конча была куда больше, чем просто статс-дама, она была подругой детства королевы, хранительницей ее тайн и поверенной са-

¹² В 1309 г. по требованию французского короля Филиппа IV резиденция папы была перенесена из Рима в г. Авиньон на юге Франции. Так называемое «авиньонское пленение» пап продолжалось до 1377 г.

мых сокровенных мыслей. Впрочем, достаточно было бросить взгляд на эту молодую девицу, чтобы понять, чем и как она очаровала королеву. У нее было веселое, открытое лицо из тех, что сразу внушают доверие и мгновенно покоряют душу. Светлые, цвета теплого золота волосы, прозрачные и чистые синие глаза, рот с лукаво поднятыми уголками губ, поразительного изящества подбородок придавали ее лицу неотразимую прелесть. Сумасбродная, игривая, ветренная, думающая только о наслаждениях, слушающая только речи о любви, восхитительно остроумная, поразительно коварная, донна Конча в шестнадцать лет была прекрасна, как ангел, и порочна, как демон. Весь двор обожал ее, а Иоанна любила ее куда сильнее, чем сестру.

– Ах, дорогая Конча, – со вздохом произнесла королева, – неужели ты не видишь, как я печальна и несчастна?

– Зато я, о моя прекрасная повелительница, – отвечала наперсница, с обожанием глядя на Иоанну, – напротив, безмерно счастлива, что прежде всех могу принести к стопам вашего величества весть о том, что неаполитанский народ испытывает сейчас великую радость. Другие, возможно, позавидуют короне, что сверкает на вашем челе, трону, бесспорно, одному из самых прекрасных во вселенной, приветственным кликам целого города, которые более свидетельствуют о поклонении, чем об обычных верноподданнических чувствах, а вот я, ваше величество, завидую только вашим дивным черным волосам, вашим ослепительным

глазам, вашей сверхъестественной прелести, заставляющей всех мужчин быть вашими поклонниками.

– И тем не менее, моя Конча, я достойна сожаления и как королева, и как женщина: в пятнадцать лет корона – слишком тяжкая ноша, тем паче что я лишена свободы, которой обладает последний из моих подданных, свободы чувства. Ведь еще в неразумном младенческом возрасте я была принесена в жертву человеку, которого никогда не смогу полюбить.

– Однако, ваше величество, – весьма многозначительно произнесла наперсница, – при дворе есть кавалер, чья почтительность, преданность и любовь могли бы вас заставить забыть муки, которые причинил вам этот чужестранец, не достойный быть ни нашим королем, ни вашим супругом.

Королева испустила горестный вздох.

– С каких это пор, – спросила она, – ты утратила способность читать в моей душе? Неужели я должна признаться тебе, что эта любовь делает меня несчастной? Да, правда, поначалу это преступное чувство показалось мне весьма пылким, я ощутила, как моя душа возрождается для новой жизни, меня увлекли, обольстили клятвы, слезы, отчаяние этого молодого человека, снисходительность и потворство его матери, которая была как мать и для меня, и я полюбила его... О Боже, я еще так молода и уже познала такое разочарование! Порой мне приходят в голову чудовищные мысли, мне кажется, что он не любит меня и никогда не любил, что честолюбие,

корысть, недостойные побуждения заставили его изображать чувство, которого он никогда не испытывал, да и я сама ощущаю какой-то безотчетный холод; его присутствие стесняет меня, взгляд тревожит, голос вызывает дрожь, я боюсь его и отдала бы год своей молодой жизни, лишь бы никогда его не слышать.

Слова эти, похоже, до глубины души тронули юную наперсницу; на лице ее изобразилась печаль, она опустила глаза и некоторое время молчала, всем своим видом демонстрируя не столько удивление, сколько огорчение. Затем, подняв голову, с видимым смущением начала:

– Я никогда не осмелилась бы произнести столь суровое суждение о человеке, которого моя государыня вознесла над остальными, остановив на нем благосклонный взгляд, но если Роберт Кабанский и впрямь заслужил упрек в легкомыслии и неблагодарности, если он гнусно лгал, то он последний негодяй, ибо презрел счастье, о каком другие всю жизнь молили бы Бога, готовые заплатить за него спасением души. И все же я знаю некоего человека, который безутешно и безнадежно точит слезы ночью и днем, который страдает, пожираемый медленным жестоким недугом, но которого могло бы еще спасти одно-единственное слово сострадания, если только это слово будет произнесено моей благородной повелительницей.

– Я больше не желаю тебя слушать, – воскликнула Иоанна, резко вскочив, – больше не желаю приносить новые угрызе-

ния в свою жизнь! Меня постигло несчастье и в любви законной, и в любви преступной. Я не буду даже пытаться противиться своей горестной судьбе. Я – королева и обязана посвятить себя счастью подданных.

– Значит, вы, государыня, – спросила мягким, убаюкивающим голосом донна Конча, – запрещаете произносить в вашем присутствии имя Бертрана д’Артуа, этого несчастного молодого человека, прекрасного, как ангел, и робкого, как девица? Неужели теперь, когда вы стали королевой и держите в руках жизнь и смерть своих подданных, вы не проявите милосердия к несчастному, вся вина которого лишь в том, что он обожает вас и собирает все силы души, чтобы не умереть от счастья, всякий раз, когда вы останавливаете на нем взор?

– Ах, и мне приходится делать над собой усилие, чтобы отвести от него взгляд! – воскликнула королева с сердечным волнением, которое не сумела подавить, однако тут же, желая сгладить впечатление, какое это признание могло произвести на подругу, промолвила сурово: – Я запрещаю тебе произносить при мне эти имя и, чтобы он никогда не осмелился проронить жалобу, приказываю передать ему от меня, что в тот самый день, когда я смогу заподозрить причину его печали, он навсегда будет изгнан с моих глаз.

– В таком случае, государыня, и меня прогоните с глаз, так как у меня никогда не хватит сил выполнить столь жестокий приказ. А что касается несчастного, который не спосо-

бен пробудить в вашем сердце сострадание, то можете сами в гневе нанести ему удар, потому что он пришел выслушать от вас приговор и умереть у ваших ног.

При этих словах, произнесенных достаточно громко, чтобы их можно было услышать за дверью, Бертран д'Артуа вошел в спальню и упал на колени перед королевой. Наперсница уже давно заметила, что Роберт Кабанский по собственной вине утратил любовь Иоанны; его тирания стала для нее столь же несносна, как и тирания супруга. Донна Конча также обратила внимание, что взгляд ее госпожи со сладостной грустью задерживается на Бертрane, печальном и мечтательном юноше, так что, решив вступить за него, она была убеждена: королева уже любит его. Краска немедленно бросилась в лицо Иоанне, и гнев ее неминуемо обрушился бы на обоих слушников, но в это время в соседнем зале раздались шаги, и голос вдовы великого сенешаля, что-то говорящей своему сыну, поразил, подобно удару грома, троих молодых людей. Донна Конча побледнела как мел, Бертран ничуть не сомневался, что он окончательно погиб, поскольку его присутствие здесь губило королеву, и тогда Иоанна с поразительным хладнокровием, не покидавшим ее в самые трудные моменты жизни, толкнула юношу за резную спинку кровати и укрыла в широких складках полога, после чего знаком велела донне Конче встретить Филиппу и ее сына.

Но прежде чем эти двое войдут в спальню королевы, нам следует рассказать, благодаря какому чудесному стечению

обстоятельств и с какой невероятной стремительностью семейство катанийки из самых низов простонародья поднялось в первые ряды придворной знати.

Когда донья Виоланта Арагонская, первая жена Роберта Анжуйского, родила Карла, будущего герцога Калабрийского, кормилицу для новорожденного стали искать среди самых красивых женщин из народа. Пересмотрели многих, в равной степени поразительно красивых, юных, свежих, и принцесса остановила выбор на молодой прачке, уроженке Катании по имени Филиппа, жене рыбака из Трапани. Стирая белье в ручье, эта женщина предавалась странным мечтам: она воображала, что ее представили ко двору, что она вышла замуж за вельможу и стала важной придворной дамой. Так что, когда ее призвали в Кастельнуово, радости ее не было предела, ей казалось, что мечта начинает осуществляться. Итак, Филиппа поселилась во дворце, а меньше чем через месяц после того, как начала кормить младенца, овдовела. В это время Раймонд Кабанский, мажордом короля Карла II, купил у корсаров негра, велел его окрестить, дал ему свое имя, дал свободу и, видя, что тот не лишен ни хитрости, ни ума, поставил его во главе дворцовой кухни, после чего отправился на войну. За время отсутствия покровителя оставшийся при дворе негр так ловко повел свои дела, что очень скоро сумел приобрести земли, дома, фермы, лошадей, серебряную посуду и мог соперничать с самыми богатыми баронами королевства, а поскольку он все больше за-

воевывал благосклонность королевского семейства, то перешел из кухни в хранители гардероба короля. Катанийка тоже заслужила любовь своих господ, и принцесса в награду за заботы о своем сыне выдала ее за негра, а в качестве свадебного подарка его посвятили в рыцари. И с того дня Раймонд Кабанский и бывшая прачка Филиппа стали так стремительно возвышаться, что никто при дворе уже не мог уравновесить их влияния. После смерти доньи Виоланты катанийка стала задушевной подругой доньи Санчи, второй жены Роберта, которую мы уже представили в самом начале этой истории. Ее вскормленник Карл любил ее как мать, и она была поочередно наперсницей обеих его жен, особенно второй, Марии де Валуа. А поскольку бывшая прачка в конце концов усвоила придворные обычаи и манеры, то, когда родились Иоанна и ее сестра, она была назначена воспитательницей и наставницей принцесс, а Раймонд по сему поводу стал мажордомом. На смертном ложе Мария де Валуа поручила обеих принцесс ее заботам, умоляя относиться к ним, как к собственным дочерям, и тогда Филиппа-катанийка, почитаемая как мать наследницы неаполитанского трона, обрела достаточную власть, чтобы добиться назначения своего мужа на должность великого сенешаля, одну из семи главнейших должностей королевства, и посвящения трех своих сыновей в рыцари. Раймонд Кабанский был погребен с королевской пышностью в мраморной гробнице в церкви Сан-Сакраменто, и вскоре к нему присоединились двое его сыно-

вей. Третий же, по имени Роберт, молодой человек необыкновенной красоты и силы, сбросил сутану и был назначен мажордомом, а две дочери его старшего брата были выданы за графа Терлицци и графа Марконе. Короче, дела шли прекрасно, и могущество вдовы великого сенешаля, казалось, обеспечено навсегда, но вдруг неожиданное событие поколебало ее влияние и огромное здание благополучия, которое она неспешно, трудолюбиво и терпеливо возводила камень по камню, подкопанное в самом основании, едва не рухнуло в один день. Внезапное появление брата Роберта, который сопровождал к римскому двору своего малолетнего воспитанника, с детства предназначенного в мужья Иоанне, стало препятствием всем планам катанийки и составило серьезную угрозу ее будущему. Монах очень скоро понял, что до тех пор, пока вдова великого сенешаля будет оставаться при дворе, Андрей будет всего лишь рабом, а то и жертвой своей супруги. И потому все помыслы брата Роберта были направлены к одной цели – удалить катанийку или хотя бы нейтрализовать ее влияние. Наставник принца и воспитательница наследницы престола взглянули друг на друга, взглянули холодно, пронизательно, трезво, и глаза у них сверкнули ненавистью и враждой. Катанийка, поняв, что она разгадана, и не имея отваги вступить в открытую борьбу, составила план, как подкрепить свое пошатнувшееся положение, развращая и растлевая Иоанну. Она медленно вливала в душу воспитанницы яд порока, возбуждала ее юное воображе-

ние, потворствуя преждевременным желанием, внедряла в ее сердце ростки непреодолимого отвращения к мужу, окружила ее женщинами самых нестрогих нравов, особо приблизив к ней обольстительную красавицу донну Кончу, которую современные писатели заклеили бы словом «куртизанка», и, чтобы одним махом завершить свои гнусные уроки, толкнула Иоанну в объятия своего сына. Бедное дитя, не успевшее постигнуть жизнь, но уже оскверненное преступлением, со всем пылом юности отдалась первой своей страсти и влюбилась в Роберта Кабанского так иступленно и неистово, что коварной катанийке, совершенно уверенной, что добыча попалась ей в руки и никогда не попытается вырваться, оставалось только радоваться столь успешному исполнению своих грязных планов.

В течение целого года у Иоанны, пребывавшей в полнейшем упоении, не возникало даже тени подозрения относительно искренности ее возлюбленного. Роберт, в характере которого было куда больше тщеславия, чем нежности, искусно скрывал холодность под братской привязанностью, слепой покорностью и готовой на все самоотверженностью; возможно, ему еще долго удавалось бы дурачить свою повелительницу, если бы в Иоанну не влюбился без памяти молодой граф д'Артуа. Внезапно с глаз Иоанны спала пелена, она поняла, что Роберт Кабанский любил ее ради себя, тогда как Бертран д'Артуа отдал бы жизнь, чтобы видеть ее счастливой; луч света озарил ее прошлое, она перебрала в уме об-

стоятельства, какие предшествовали и сопутствовали ее первой любви, и дрожь пробежала у нее по жилам при мысли, что она была принесена в жертву бесчестному оболъстителю женщиной, которую любила больше всех на свете и называла матерью.

Иоанна замкнулась в себе и горько плакала. Оскорбленная в лучших чувствах, она изнывала от отчаяния, но, ощутив вдруг порыв гнева, гордо вскинула голову, и любовь ее обратилась в презрение. Роберт, удивленный надменным и ледяным приемом, сменившим обычную дружественность, разъяренный ревностью, страдая от уязвленного самолюбия, разразился горькими упреками и неистовыми обвинениями, невольно сорвав с себя маску и тем самым окончательно утратив сердце принцессы.

Филиппа поняла, что пришла пора вмешаться; она устроила сыну взбучку, упрекая его в том, что своей неловкостью он разрушил все ее планы.

– Раз уж ты не смог с помощью любви овладеть ее душой, – объявила она, – придется завладеть ею, используя страх. Нам известна тайна, от которой зависит ее честь, и она никогда не осмелится взбунтоваться против нас. Очевидно, она любит Бертрана д'Артуа, чьи томные взоры и горестные вздыхания так несходны с твоей высокомерной беспечностью и деспотическими выходками. Мать принцев Тарантских императрица Константинопольская немедля воспользуется возможностью помочь любви принцессы, дабы еще больше отдалить

ее от супруга, посланницей будет выбрана Конча, и рано или поздно мы поймаем д'Артуа у ног принцессы. Тогда она не сможет нам ни в чем отказать.

Вскоре старый король умер, и катанийка, старательно подкарауливавшая момент, когда у нее будут совершенно достоверные доказательства, увидев, что граф д'Артуа проскользнул в покои королевы, кликнула сына и потащила его за собой.

– Идем, – приказала она, – королева в наших руках.

Смертельно бледная Иоанна, стоявшая посреди спальни, устремив взгляд на полог кровати и прятавшая страх под улыбкой, сделала шаг навстречу воспитательнице и наклонила голову: Филиппа каждое утро целовала ее. Катанийка с преувеличенной сердечностью поцеловала Иоанну в лоб и обернулась к сыну, преклонившему колени перед королевой.

– Позвольте, моя прекрасная повелительница, – промолвила она, указывая на Роберта, – наипокорнейшему из ваших подданных принести вам самые искренние поздравления и сложить к вашим ногам клятву верности.

– Встаньте, Роберт, – произнесла Иоанна, протягивая ему благосклонно руку и постаравшись, чтобы в ее голосе не прозвучал даже намек на горечь. – Мы вместе росли, и я никогда не забуду, что в годы моего детства, в ту счастливую пору, когда мы оба были невинны, я называла вас своим братом.

– Раз вы это мне позволяете, ваше величество, – с насмешливой улыбкой ответил Роберт, – я тоже всегда буду вспоми-

нать имена, какими вы некогда удостаивали меня.

– А я, – подхватила катанийка, – иногда буду забывать, что говорю с неаполитанской королевой, чтобы иметь возможность поцеловать свою возлюбленную дочь. Итак, государыня, прогоните остатки печали, вы уже достаточно пролили слез, и мы достаточно уважили вашу скорбь. Пора вам явиться доброму неаполитанскому народу, который не устает благословлять небо за то, что оно ниспослало ему столь прекрасную и столь великодушную королеву, пора вам пролить милости на своих верных подданных, и мой сын, который всех превосходит верностью, опередил всех, придя просить вас о расположении к нему, дабы он мог с еще большим усердием служить вам.

Иоанна бросила на Роберта мрачный взгляд и, оборотясь к катанийке, с нескрываемым презрением произнесла:

– Вы же знаете, матушка, что я ни в чем не откажу вашему сыну.

– Он просит, – заметила Филиппа, – только принадлежащее ему по праву, то есть титул великого сенешаля Королевства Обеих Силиций, который он унаследовал от отца, и я надеюсь, доченька, что с вашей стороны не будет никаких препятствий в пожаловании ему этого титула.

– Но мне все-таки надо посоветоваться с членами регентского совета.

– Совет незамедлительно подтвердит волю королевы, – сказал Роберт, повелительно протягивая Иоанне перга-

мент, – и вам вполне достаточно будет справиться у графа д'Артуа.

При этом он бросил испепеляющий взгляд на чуть заколебавшийся занавес.

– Да, вы правы, – мгновенно отвечала королева и, подойдя к столу, дрожащей рукой поставила на пергаменте подпись.

– А теперь, доченька, в благодарность за все заботы, какими я окружила вас в годы вашего детства, за ту поистине больше чем материнскую любовь, с какой я вас всегда холила, я умоляю вас оказать нам милость, о которой моя семья навеки сохранит память.

Покраснев от волнения и гнева, королева отступила на шаг, но, прежде чем она нашла слова для ответа, вдова великого сенешаля бесстрастным тоном продолжала:

– Я прошу вас сделать моего сына графом Эболи.

– Сударыня, это зависит не от меня. Все бароны королевства взбунтуются, ежели только своей властью я отдам одно из первых графств королевства сыну...

– ...прачки и негра, не так ли, ваше величество? – ухмыльнувшись, поинтересовался Роберт. – Бертран д'Артуа, должно быть, взъярится, если я стану называть себя, как он, графом.

Положив руку на рукоять меча, он сделал шаг к кровати.

– Сжальтесь, Роберт! – вскричала королева, удерживая его. – Я согласна на все ваши требования.

И она подписала грамоту, которой ему жаловалось граф-

ское достоинство.

– Ну а теперь, чтобы мой титул не оказался иллюзорным, – продолжал Роберт, – раз уж вы готовы подписывать, даруйте мне привилегию участвовать в коронном совете и объявите свою волю, что всякий раз, когда обсуждается важный вопрос, моя мать и я имеем в совете решающий голос.

– Никогда! – воскликнула, побледнев, Иоанна. – Филиппа, Роберт, вы злоупотребляете моей слабостью, вы постыдно мучаете свою королеву. Все последние дни я плакала, я страдала, удрученная жестокой скорбью, и сейчас у меня нет сил заниматься делами. Прошу вас, удалитесь, я чувствую, что вот-вот упаду в обморок.

– Доченька, так вы плохо себя чувствуете? – лицемерным тоном подхватила катанийка. – Скорей прилягте отдохнуть.

И, устремившись к кровати, она ухватилась за полог, за которым скрывался граф д'Артуа.

Королева пронзительно вскрикнула и, как львица, бросилась на воспитательницу.

– Остановитесь! – прерывающимся голосом приказала она. – Вот вам привилегия, которую вы просите. А теперь, если вам дорога жизнь, прочь отсюда!

Катанийка и сын ее мигом вышли, не произнеся ни слова: ведь они получили все, чего желали, а дрожащая, потерявшая голову Иоанна бросилась к Бертрану д'Артуа; пылая гневом, он выхватил кинжал и намеревался ринуться следом за обоими фаворитами, чтобы отомстить им за оскорб-

ления, которые они нанесли королеве, однако был остановлен умоляющим взглядом прекрасных глаз, руками, обвинившимися вокруг его талии, слезами Иоанны; он пал к ее ногам и стал покрывать их поцелуями, даже не думая просить прощения за свое присутствие, и без объяснений в любви, словно они оба всегда любили друг друга, осыпал ее самыми нежными ласками, осушал ее слезы, прикасался трепещущими губами к ее прекрасным волосам. Иоанна постепенно забыла про свой гнев, клятвы, раскаяние; убаюканная сладостными словами возлюбленного, она отвечала на них вздохами и восклицаниями; сердце ее готово было вырваться из груди, она поддалась неодолимой власти любви, но тут шум шагов вновь вырвал ее из состояния любовного упоения; на сей раз, однако, молодой граф смог без особой поспешности удалиться в смежный покой, а королева успела подготовиться, чтобы с холодным и суровым достоинством принять нежданного посетителя.

Визитером, явившимся так некстати и отведшим грозу, что собралась над головой Иоанны, был Карл, старший из герцогов Дураццо. После того как он представил народу свою прекрасную кузину в качестве единственной законной государыни, он многократно искал случая поговорить с нею, и разговор этот, вне всякого сомнения, должен был стать решающим. Карл принадлежал к тому типу людей, что не отказываются для достижения своей цели ни от каких средств; снедаемый неутомимым честолюбием, привыкший с юных

лет скрывать самые жгучие свои желания под маской легкомысленной беззаботности, продуманно и хитро продвигающийся к предмету своих вожелений, ни на йоту не сворачивая с избранного пути, удваивающий осторожность при победе и отвагу при поражении, бледнеющий от радости и улыбающийся, когда испытывает ненависть, непроницаемый, когда внутри бушуют сильнейшие страсти, он поклялся себе взойти на неаполитанский трон, наследником которого почитал себя как первый по старшинству племянник Роберта; надо сказать, что он и должен был бы получить руку Иоанны, если бы на склоне дней старому королю не вздумалось призвать Андрея Венгерского и тем самым восстановить права старшей ветви, о которых все уже давно забыли. Но ни прибытие в королевство Андрея, ни глубокое равнодушие, с каким Иоанна, захваченная иными страстями, встречала ухаживания своего кузена, ни на миг не поколебали решения герцога Дураццо, поскольку ни любовь женщины, ни человеческая жизнь ничего не значили для него, когда на другую чашу весов была брошена корона.

Покрутившись у покоев королевы все то время, пока она была совершенно недоступна, он с почтительной настойчивостью потребовал приема, дабы осведомиться о здоровье кузины. Благородство черт и изящество фигуры молодого герцога особенно подчеркивал его великолепный наряд, весь расшитый геральдическими лилиями и сверкающий драгоценными камнями. Камзол пунцового бархата и шапочка то-

го же цвета, отсвечивая, подчеркивали румянец его смуглого лица, которое чрезвычайно оживляли черные орлиные глаза, вспыхивающие время от времени молниями.

Карл пространно рассказывал кухне о восторге, с каким народ воспринял ее вступление на престол, и о блистательной судьбе, которая ей предстоит, точно и в немногих словах обрисовал ей ситуацию в королевстве и, продолжая расточать хвалы ее королевской мудрости, весьма ловко подсказал, какие улучшения необходимо самым срочным образом произвести в стране; в его речи было столько жара и в то же время столько сдержанности, что очень скоро ему удалось развеять дурное впечатление, которое произвело его неожиданное появление. Несмотря на заблуждения юности, развращенной достойным сожаления воспитанием, Иоанна по своей природе была чутка ко всему благородному и великому; возвышавшаяся над сверстниками и представительницами своего пола, когда дело касалось счастья подданных, она забыла о своем особом положении и слушала герцога Дураццо с живейшим интересом и самым благожелательным вниманием. И тогда он решился намекнуть на опасности, что грозят юной королеве, он пространно толковал о том, как трудно отличить тех, кто подлинно предан, от льстивых негодяев и людей, преследующих одни свои корыстные интересы, упирал на неблагодарность тех, кто более всего осыпан милостями и кому оказывается наибольшее доверие. Иоанна, только что получившая весьма горестное подтверждение

справедливости его слов, вздохнула и после секундной паузы ответила:

– Да поможет мне Бог, которого я призываю в свидетели своих праведных и справедливых намерений, разоблачить предателей и узнать, кто мой истинный друг! Я знаю, время, которое возложено на меня, безмерно тяжело, и ничуть не переоцениваю свои силы, но многолетний опыт советников, которым мой дед доверил опеку надо мной, помощь всех родственников и в особенности ваша, кузен, чистая и сердечная дружба, надеюсь, помогут мне исполнить мой долг.

– Мое искреннейшее желание – чтобы вы, прекрасная моя кузина, смогли добиться успеха, и я не хочу, внушая подозрения и сомнения, омрачать минуты, которые всецело должны быть отданы счастью. Не хочу примешивать ко всеобщему ликованию и к поздравлениям вас с титулом королевы бесплодные сетования на слепую судьбу, посадившую рядом с женщиной, которой мы все поклоняемся, рядом с вами, кузина, от одного-единственного взгляда которой любой мужчина испытывает райское блаженство, чужеземца, недостойного владеть вашим сердцем и неспособного разделить с вами трон.

– Вы забываете, Карл, – промолвила королева, вскинув руку, как бы запрещая ему говорить, – вы забываете, что Андрей – мой муж и что такова воля нашего деда, призвавшего его царствовать вместе со мной.

– Никогда не быть ему королем Неаполя! – возмущенно

воскликнул герцог. – Поверьте, скорей содрогнется весь город, народ поднимется, как один, и колокола наших церквей прозвонят к новой Сицилийской вечерне¹³, чем неаполитанцы допустят, чтобы ими правила горстка пьяных дикарей-венгров, лицемерный и уродливый монах и принц, которого ненавидят настолько же, насколько любят вас.

– Но в чем его упрекают? В чем его вина?

– В чем его вина? В чем его упрекают? Народ упрекает его в том, что он не способен править, груб, дик. Дворяне упрекают его в том, что он нарушает их привилегии и открыто покровительствует людям темного происхождения, а я, государыня, – понизив голос, произнес герцог, – упрекаю его в том, что он делает вас несчастной.

Иоанна вздрогнула, словно чья-то грубая рука прикоснулась к ее ране, но, скрывая чувства под внешним спокойствием, спросила самым равнодушным тоном:

– Мне кажется, Карл, вы бредите. Что дает вам право считать меня несчастной?

– Кузина, не старайтесь оправдывать его, – отвечал ей Карл. – Вы погубите себя, но его не спасете.

Королева пристально взглянула на герцога, словно пытаюсь прочесть, что кроется в глубинах его души, и понять смысл его слов, однако, не в силах принять на веру ужасную

¹³ Общественное восстание на Сицилии против Анжуйского дома и французов, начавшееся 31 марта 1282 г., в понедельник на Святой неделе. Сигналом к восстанию послужил колокольный звон к вечерне, отсюда и пошло название.

мысль, блеснувшую у нее в мозгу, сделала вид, будто вполне верит в дружелюбность кузена, и, чтобы проникнуть в его замыслы, непринужденно бросила:

– Хорошо, Карл, предположим, я несчастлива. Какое средство можете вы предложить, чтобы переменить мою судьбу?

– И вы, кузина, еще спрашиваете? Да разве не все средства хороши, когда вы страдаете и речь идет о том, чтобы отомстить за вас?

– Боюсь, никакие средства помочь тут не могут. Андрей так просто не откажется от своих притязаний, у него есть сторонники, а в случае открытого разрыва брат его, король Венгерский, может объявить нам войну и опустошить королевство.

Герцог Дураццо чуть заметно усмехнулся, и лицо его обрело зловещее выражение.

– Кузина, вы не поняли меня.

– В таком случае объяснитесь прямо, – предложила королева, прикладывая чудовищные усилия, чтобы скрыть конвульсивную дрожь, пробежавшую по всему ее телу.

– Иоанна, вы чувствуете этот кинжал? – спросил Карл, взяв руку королевы и прижав ее к своей груди.

– Чувствую, – побледнев, ответила Иоанна.

– Одно ваше слово, и...

– И что же?

– И завтра вы будете свободны.

– Убийство! – вскричала королева, отпрянув в ужасе. – Значит, я не ошиблась! Вы предлагаете мне убийство!

– Без него не обойтись, – спокойно подтвердил герцог. – Сегодня вам предлагаю его я, но однажды вы сами отдадите приказ совершить его.

– Довольно, несчастный! Не знаю, чего в вас больше – подлости или дерзости. Подлости, так как вы предлагаете мне преступный план, будучи уверены, что я вас не выдам, а дерзости, ибо, предлагая мне его, вы не проверили, нет ли тут свидетеля, который слышит нас.

– Государыня, как вы понимаете, я вам открылся и не могу уйти от вас, пока не узнаю, должен ли я считать себя вашим другом или врагом.

– Прочь! – вскричала Иоанна, повелительно указывая Карлу на дверь. – Вы оскорбляете свою королеву!

– Вы забываете, кузина, что однажды я могу получить права на ваше королевство.

– Не принуждайте меня велеть выставить вас, – предупредила Иоанна, делая шаг к двери.

– Умерьте свой гнев, прекрасная кузина, я покидаю вас, но только запомните: я протянул вам руку, а вы ее оттолкнули. И еще усвойте хорошенько то, что я вам говорю в этот решающий миг: сегодня я – преступник, но, быть может, придет день, когда я стану судьей.

Карл неспешно удалился и, дважды обернувшись, повторил с угрожающим жестом свое мрачное пророчество. Иоан-

на закрыла лицо руками и долго стояла, погруженная в горестные мысли, но скоро над всеми чувствами в ней возобладал гнев, она позвала донну Кончу и отдала ей приказ никого ни под каким предлогом больше не впускать.

Запрет этот не распространялся на графа д'Артуа, поскольку, как помнит читатель, он находился в соседней комнате.

Тем временем спустилась ночь, и в самом шумном городе вселенной на всем его протяжении от мола до Мерджелино, от Капуанского замка до холма Св. Эльма тысячеустые крики сменила глубокая тишина. Карл Дураццо, бросив последний мстительный взгляд на Кастельнуово, покинул площадь Корреджие, углубился в лабиринт темных извилистых улочек, разбегавшихся в разных направлениях по старому городу, и через четверть часа ходьбы то замедленной, то стремительной, что свидетельствовало о его крайнем возбуждении, прибыл в свой герцогский дворец, расположенный в Маре рядом с церковью Сан-Джованни. Отдав угрюмым и суровым тоном несколько приказаний одному из пажей и вручив ему свой меч и плащ, Карл заперся в своих покоях, даже не поднявшись к матери, которая одна, исполненная печали, оплакивала неблагодарность сына и в отместку ему, как всякая мать, молила за него Бога.

Герцог Дураццо метался по комнате, как лев в клетке, и, снедаемый нетерпением, считал минуты; он вызвал слугу и повторил приказания, но тут два глухих удара в дверь возве-

стили, что человек, которого он так ждал, наконец пришел. Карл поспешно открыл. Вошел человек лет пятидесяти, с головы до ног одетый в черное, и, почтительно поклонившись, тщательно затворил за собою дверь. Карл бросился в кресло и взглянул на пришельца, который стоял перед ним, опустив глаза и скрестив на груди руки, и всем своим видом выражал глубочайшее почтение и готовность исполнить любой приказ. Герцог обратился к нему, медленно и веско произнося каждое слово:

– Мессир Никколó ди Мелаццо, вы еще не забыли об услуге, которую я некогда оказал вам?

При этих словах человек вздрогнул, словно услышав голос сатаны, требующего его душу, поднял на герцога испуганный взгляд и хрипло спросил:

– Ваша светлость, чем я заслужил подобный упрек?

– Это не упрек, милейший нотариус, это просто вопрос.

– Неужели ваша светлость сомневается в моей вечной благодарности? Да как бы я смог забыть благодеяния вашей светлости? Но даже если бы я до такой степени утратил рассудок и память, разве моя жена и сын не служили бы мне ежедневно постоянным напоминанием, что мы обязаны вам всем – состоянием, жизнью, вестью? Я оказался виновен в подлом деянии, – понизив голос, продолжал нотариус, – в подлоге, за который не только следовала смертная казнь мне, но и конфискация всего имущества, разорение моей семьи, нищета и бесчестье моего единственного сына, того самого

сына, которому я, несчастный, хотел чудовищным преступлением обеспечить блистательное будущее, и у вас в руках были свидетельства этого преступления...

– Они до сих пор у меня...

– Но вы же не погубите меня, ваша светлость, – умоляюще произнес нотариус. – Я у ваших ног, возьмите мою жизнь, я снесу любые пытки и умру без единого стога, только спасите моего сына, ведь до сих пор вы столь милосердно щадили его. Сжальтесь над его матерью, сжальтесь, ваша светлость!

– Успокойся, – произнес Карл, делая ему знак подняться, – речь вовсе не идет о твоей жизни. Быть может, когда-нибудь и до этого дело дойдет. То, что я сейчас от тебя потребую, куда легче и проще.

– Я готов, ваша светлость.

– Первым делом, – насмешливо-игривым тоном объявил герцог, – ты составишь по всей форме мой брачный контракт.

– Сию секунду приступаю, ваша светлость.

– В первом пункте ты запишешь, что моя жена приносит мне в приданое графство Альба, бальяж Грати и Джордано со всеми замками, феодами и землями, которые к ним относятся.

– Но, ваша светлость... – в крайнем замешательстве про-
бормотал нотариус.

– Ты увидел тут какое-то затруднение, мессир Никколо?

– Боже меня избави, ваша светлость, но...

– Так в чем же дело?

– С позволения вашей светлости, в Неаполе только одна особа обладает приданым, которое велит мне записать ваша светлость.

– Ну и что?

– И эта особа, – пробормотал нотариус в полной растерянности, – сестра королевы.

– Ну так впиши в контракт имя Марии Анжуйской.

– Но, – робко заметил мессир Никколо, – девица, с которой ваша светлость желает заключить брак, как мне кажется, в завещании блаженной памяти короля, нашего государя, предназначена в жены либо венгерскому королю, либо внуку короля Франции.

– Что ж, мне понятно твое недоумение, милейший мой нотариус, но из этого ты можешь заключить, что воля дядьев не всегда совпадает с волей племянников.

– В таком случае я осмелюсь... если ваша светлость позволит мне высказать мое мнение, я почтительнейше умоляю вашу светлость принять во внимание, что речь идет о похищении несовершеннолетней.

– Мессир Никколо, с каких это пор ты стал таким шепетильным?

Высказанное недоумение сопровождалось столь грозным взглядом, что бедняга нотариус сжался и едва нашел в себе силы ответить:

– Через час контракт будет готов.

– Итак, по первому пункту мы пришли к согласию, – заметил обычным своим тоном Карл. – А вот тебе второе мое поручение. Ты, как мне кажется, знаком, и достаточно близко, со слугой герцога Калабрийского.

– С Томмазо Паче? Это мой лучший друг.

– Превосходно. Ну так слушай меня и запомни: от твоего умения хранить тайну зависит благополучие или гибель твоей семьи. Против супруга королевы скоро состоится заговор, заговорщики обязательно подкупят слугу Андрея, которого ты называешь своим лучшим другом. Не оставляй его ни на миг, постарайся стать его тенью и день за днем, час за часом извещай меня о развитии заговора и об именах заговорщиков.

– Это все, что ваша светлость мне велит?

– Все.

Нотариус почтительно откланялся и ушел, дабы незамедлительно исполнить полученные приказы. А Карл остаток ночи писал письмо своему дяде кардиналу Перигорскому, одному из самых влиятельных прелатов при Авиньонском дворе; Карл просил кардинала, прежде всего, употребить все свое влияние, чтобы воспрепятствовать Клименту VI¹⁴ подписать буллу о коронации Андрея, а закончил письмо настоятельной просьбой добиться для него у папы позволения на брак с сестрой королевы.

– Мы еще посмотрим, кузина, – шептал он, запечатывая

¹⁴ *Климент VI (Пьер Роже)* – папа римский в 1342–1352 гг.

письмо, – кто из нас лучше понимает свои интересы. Вы не захотели иметь меня другом, что ж, я стану вашим врагом. Покойтесь в объятиях своих любовников, но я разбуду вас, когда пробьет час. Однажды я, быть может, стану герцогом Калабрийским, а это, как вам известно, прелестная кузина, титул наследника престола.

Уже на другой день все обратили внимание, что отношение Карла к Андрею совершенно изменилось; герцог Дураццо выказывал ему живейшее расположение, искусно угождал его вкусам, сумел уверить брата Роберта, что ничуть не противится коронации Андрея и что самое пламенное его желание увидеть волю дяди исполненной, а если и создалось впечатление, будто он действовал в противоположном направлении, то целью этих его поступков было всего лишь успокоить народ, который мог возмутиться и восстать против венгров. Он весьма решительно объявил, что всей душой ненавидит тех, кто окружает королеву и сбивает ее с толку своими советами, и обязался объединить свои усилия с усилиями брата Роберта, дабы всеми доступными средствами, какие им предоставит судьба, низвергнуть фаворитов Иоанны. Хотя доминиканец не слишком поверил в искренность нового союзника, он тем не менее с радостью согласился на поддержку, которая могла оказаться весьма полезной для его воспитанника, а такую резкую перемену в настроении Карла связал с его внезапной ссорой с кузиной; монах решил использовать злопамятность герцога Дураццо. Как бы то ни

было, через несколько дней Карл до такой степени завоевал сердце Андрея, что они стали просто-напросто неразлучны. Ежели Андрей собирался на охоту, а ее он предпочитал всем другим развлечениям, Карл настойчиво предлагал ему свою свору и своих соколов; ежели Андрей выезжал в город, Карл гарцевал рядом с ним. Он потакал любым капризам Андрея, толкал его на бесчинства, разжигал его злобу; одним словом, был то ли добрым, то ли злым гением, внушавшим принцу свои мысли и направлявшим все его действия.

Иоанна очень скоро разгадала этот маневр; впрочем, она ждала чего-нибудь в этом роде. Она могла бы одним-единственным словом погубить Дураццо, однако пренебрегла столь низкой мезью и стала третировать кузена с глубочайшим презрением. Двор тоже разделился на две партии: с одной стороны, венгры, руководимые братом Робертом и открыто поддерживаемые Карлом Дураццо; с другой, все неаполитанское дворянство, во главе которого стояли принцы Тарантские. Иоанна, которой вертели вдова великого сенешаля и две ее внучки, графини Терлицци и Морконе, донна Конча и императрица Константинопольская, присоединилась к неаполитанской партии, оспаривавшей права ее супруга. Первой заботой сторонников королевы было вписание во все государственные акты ее имени без присоединения имени Андрея, однако Иоанна, руководствуясь инстинктивным чувством порядочности и справедливости, согласилась на это окончательное проявление своей позиции толь-

ко после того, как посоветовалась с Андреа д'Изерниа, одним из самых знающих юристов той эпохи, которого равно чтили и за благородный характер, и за глубокую мудрость. Принц, разъяренный тем, что его отстранили ото всех дел, мгновенно ответил жестокостями и деспотизмом. Собственной властью он освобождал узников, всячески выделяя венгров, осыпал почестями и богатствами Джанни Пипино графа Альтамуру, самого опасного и самого ненавистного врага неаполитанских баронов. И тогда графы Сан-Северино, Милето, Бальдзо, Катандзаро, Сан-Анджело и большинство баронов королевства, возмущенные неслыханным да к тому же растущим со дня на день высокомерием любимца Андрея, решили прикончить его, а равно и его покровителя, если тот не перестанет покушаться на их привилегии и пренебрегать их возмущением.

С другой стороны, женщины, окружавшие королеву, подталкивали ее, каждая в своих интересах, поддаться новой страсти, и несчастная Иоанна, покинутая мужем, преданная Робертом Кабанским, не только не пыталась побороть любовь к Бертрану д'Артуа, но и устремилась навстречу ей, потому что в представлениях юной королевы преднамеренно были разрушены все принципы религии и добродетели и душа ее с ранних лет была изуродована пороком, как тела злополучных существ, которым жонглеры ломали кости. Ну а Бертран боготворил ее со страстью, превосходящей все пределы; пребывая на вершине блаженства, на какое он не

осмеливался надеяться даже в самых дерзких своих мечтах, юный граф почти утратил рассудок. Напрасно его отец Карл д'Артуа, граф Эрский, происходящий по прямой линии от Филиппа Смелого¹⁵, и один из регентов королевства, сурово выговаривал сыну и пытался удержать его на краю пропасти – для Бертрана существовала только любовь к Иоанне и непримиримая ненависть к ее врагам. Часто можно было видеть, как на склоне дня, когда легкий бриз, веющий от Позиллиппо или Сорренто, ласкал его волосы, он стоял у одного из окон Кастельнуово, бледный, недвижимый, устремив взгляд на площадь, по которой, совершая веселую вечернюю прогулку, в клубах пыли скакали рядом герцог Калабрийский и герцог Дураццо. И тогда брови молодого графа грозно хмурились, светло-голубые глаза его приобретали угрюмое, свирепое выражение, и внезапно мысли о мести, об убийстве на миг искажали его черты; потом вдруг легкая рука ложилась ему на плечо, он вздрагивал, осторожно оборачивался, страшась, как бы божественное видение не отлетело вновь на небо, и видел стоящую за спиной женщину: щеки у нее горели огнем, грудь трепетала, глаза влажно блестели; она пришла рассказать ему, как провела день, и потребовать, чтобы он поцеловал ее – в награду за целодневный труд и разлуку. Этой женщине, которая только что устанавливала законы и вершила суд в кругу строгих судей и суровых мини-

¹⁵ *Филипп III Смелый* (1245–1285) – сын Людовика Святого, король Франции с 1270 г., нанес поражение Педро III Арагонскому.

стров, было всего лишь пятнадцать лет, а юноше, которого так угнетала ее скорбь и который в отместку за нее задумал совершить цареубийство, не было и двадцати. Несчастные дети, брошенные на землю, чтобы стать игрушкой жестокой судьбы!

После смерти старого короля прошло два месяца с небольшим, и вот утром в пятницу 28 марта того же 1343 года Филиппа, вдова великого сенешаля, отыскавшая способ добиться прощения за подлую западню, посредством которой старая воспитательница принудила королеву подписать согласие на все просьбы ее сына, так вот, повторяем, Филиппа, бледная, с искаженным лицом, полная непритворного ужаса, вбежала в покои королевы с вестью, посеявшей при дворе тревогу и скорбь: исчезла Мария, юная сестра Иоанны. Обошли все дворы и сады, пытаясь обнаружить хоть какой-то след; обыскали все закоулки дворца, допросили стражей и даже пригрозили применить пытки, чтобы вырвать у них правду, но все было тщетно: никто не видел принцессы, не было найдено ни одного доказательства, которое могло бы свидетельствовать в пользу предположения о ее бегстве или похищении. Иоанна, пораженная неожиданным ударом, прибавившим ко всем ее горестям еще одну, поначалу совершенно пала духом; затем, несколько придя в себя от неожиданности, она повела себя, как ведут все несчастные, у которых отчаяние отнимает рассудок: отдавала приказания, которые уже были исполнены, снова и снова повторяла те же самые

вопросы и получала те же самые ответы, перемежая эти вопросы бесплодными сожалениями и несправедливыми упреками. Новость вскоре разошлась по городу и вызвала повсеместное удивление; во дворце поднялся ропот, спешно собрались члены регентского совета, во все стороны разослали гонцов, пообещав три тысячи золотых дукатов тому, кто укажет место, где укрывается принцесса, а в отношении солдат, бывших в момент исчезновения в карауле по крепости, немедленно начали следствие.

Бертран д'Артуа отвел королеву в сторону и поделился с нею своими подозрениями, прямо указав, что они падают на Карла Дураццо, но Иоанна поспешила уверить его в неправдоподобии его предположения: во-первых, Карл со дня бурного объяснения с королевой не показывался в Капельноуово и нарочито расставался с Андреем у подъемного моста всякий раз, когда они вместе бывали в городе; во-вторых, ни разу, даже в прошлом, не было замечено, чтобы молодой герцог хоть слово сказал Марии или обменялся с нею единым взглядом; и, наконец, все дружно свидетельствовали, что накануне происшествия в замок не проникал ни один посторонний, за исключением старичка нотариуса, мессира Никколо ди Мелаццо, полусумасшедшего-полусвятоши, за коего ручался головой Томмазо Паче, камердинер герцога Калабрийского. Бертран склонился перед доводами королевы и принял строить новые предположения, более или менее правдоподобные, желая поддержать в своей возлюбленной

надежду, которой сам он отнюдь не разделял.

Однако спустя месяц после исчезновения девушки, а именно утром в понедельник, 30 апреля, неаполитанский народ был повергнут в смятение странной и неслыханной сценой, исполненной безрассудной дерзости и вынудившей Иоанну и ее друзей от горя перейти к негодованию. Едва колокол церкви Сан-Джованни прозвонил полдень, ворота великолепного дворца Дураццо распахнулись настежь, и из них под звуки труб выехали попарно всадники на конях, убранных роскошными попонами, и со щитами, украшенными гербами герцога; всадники выстроились вокруг дома, дабы воспрепятствовать посторонним нарушить церемонию, которая должна была совершиться на глазах у огромной толпы, внезапно словно по волшебству собравшейся на площади. В глубине двора был воздвигнут алтарь, а на помосте приготовлены две пурпурные бархатные подушки, на которых были вышиты золотом французские лилии и герцогская корона. К помосту приблизился Карл в ослепительном наряде, ведя за руку сестру королевы, принцессу Марию, совсем юную девушку, которой было тогда не более тринадцати лет. Она робко преклонила колена на одной из подушек, затем Карл последовал ее примеру, и старший капеллан дома Дураццо торжественно спросил молодого герцога, с каким намерением тот склоняется столь смиренно перед одним из служителей Божьих. После этих слов мессир Никколо ди Мелаццо встал слева от алтаря и твердым и внятным го-

лосом прочел сначала акт о заключении брака между Карлом и Марией, а затем папские грамоты, в коих его святейшество папа римский Климент VI своею властью устранял все препятствия к этому союзу – юный возраст невесты, родственные узы между брачующимися – и давал разрешение своему возлюбленному сыну Карлу, герцогу Дураццо и Албании, на бракосочетание с высокородной Марией Анжуйской, сестрой Иоанны, королевы Неаполитанской и Иерусалимской, а также посылал им свое пастырское благословение.

Тогда капеллан взял руку девушки и, вложив ее в руку Карла, стал читать освященные церковью молитвы, после чего Карл, наполовину обернувшись к народу, произнес:

– Вот моя жена перед Богом и людьми.

– И вот мой муж, – дрожа, добавила Мария.

– Да здравствуют герцог и герцогиня Дураццо! – рукоплещая, вскричала толпа.

И новобрачные, немедля вскочив на коней несравненной красоты, торжественно объехали весь город, сопровождаемые кавалерами и пажамы, а затем под звуки рукоплесканий и фанфар вернулись к себе во дворец.

Когда эта неслыханная новость достигла слуха королевы, та поначалу испытала огромную радость при мысли, что сестра ее нашлась; а поскольку Бертран д'Артуа был уже готов вскочить на коня и во главе баронов помчаться карать соблазнителя, Иоанна остановила его мановением руки, устремив на него взгляд, проникнутый глубокой печалью.

– Увы, уже поздно, – грустно промолвила она. – Они связаны законным браком, ибо глава церкви, по воле моего пращура возглавляющий и наш дом, дал им на то свое соизволение. Мне только жаль бедную сестру, мне жаль, что она, еще такая юная, стала добычей негодяя, который жертвует ею в угоду своему честолюбию, рассчитывая посредством этого брака завладеть правом на мою корону. О Господи! Что за непостижимый рок тяготеет над Анжуйской королевской ветвью! Отец мой умер молодым в разгаре своих успехов; вскоре моя бедная мать ушла за ним следом; мы с сестрой, последние отпрыски Карла I, не успев еще сделаться взрослыми, угодили в руки низких людей, которые видят в нас лишь средство достичь власти.

Иоанна бессильно опустила на сиденье, и на ресницах у нее задрожали жгучие слезы.

– Вот уже во второй раз, – с упреком произнес Бертран, – я обнажаю шпагу, чтобы отомстить вашим обидчикам, и во второй раз по вашему приказу снова вкладываю ее в ножны, но помните, Иоанна: в третий раз я не буду столь покорен, потому что месть моя настигнет уже не Роберта Кабанского и не Карла Дураццо; но того, кто является истинным виновником ваших бедствий.

– Умоляю вас, Бертран, не повторяйте за мной таких речей; позвольте мне приходиться к вам всякий раз, когда моим умом завладеют эти ужасные мысли, когда в ушах у меня зазвучит эта кровожадная угроза, когда перед моим взором

предстанет эта зловещая картина; позвольте мне приходиться к вам, мой возлюбленный, чтобы поплакать на вашей груди, чтобы ваше дыхание остудило мой пылающий мозг, а взор оделил меня каплей мужества, которое оживило бы мою поникшую душу. Полноте, я и так уже слишком несчастна, чтобы отравлять свое будущее ядом вечного раскаяния. Лучше толкуйте мне о милосердии и забвении, но не о ненависти, не о мести; укажите мне луч надежды посреди мрака, окружающего меня, и не толкайте меня в пропасть, но поддержите, потому что у меня подгибаются ноги.

Такие размолвки повторялись ежедневно, после каждой новой провинности Андрея или его сторонников, и по мере того, как нападки Бертрана и друзей королевы становились все настойчивее и, надо сказать, все справедливее, Иоанна все с меньшим пылом отражала их. Венгерское засилье становилось все беззаконнее, все несноснее и настолько возмущало умы, что народ глухо роптал, а знать вслух выражала свое недовольство. Солдаты Андрея предавались бесчинствам, каких нельзя было бы стерпеть даже в захваченных городах: они то ссорились в тавернах, то, упившись до полного безобразия, валялись в сточных канавах, а принц не только не порицал их оргий, но и навлекал на себя нарекания участием в них. Бывший его наставник, которому следовало бы, пользуясь своим влиянием, отбить у принца охоту к столь недостойному поведению, толкал Андрея к самым низменным удовольствиям, лишь бы удалить его от дел, и, сам то-

го не подозревая, приближал развязку ужасной драмы, глухо разыгравшейся в Капельнуово.

Вдова Роберта, донья Санча Арагонская, достойная, святая женщина, которую наши читатели успели, быть может, позабыть так же, как ее семью, видела, что над домом сгущаются тучи Божьего гнева, но не в силах была его предотвратить ни советами, ни молитвами, ни слезами, и, проведя целый год в трауре по королю, своему супругу, приняла постриг в монастыре Санта-Мария-делла-Кроче; она покинула двор, обуреваемый безумными страстями, и, подобно древним пророкам, отряхнув его прах со своих сандалий, удалилась от мира. Отъезд Санчи оказался недобрым предзнаменованием, и вскоре междоусобные распри, дотоле с трудом сдерживаемые, разгорелись на виду у всех; после дальних громовых раскатов гроза внезапно разразилась над городом, и скоро предстояло сверкнуть молнии.

В последний день августа 1344 года Иоанна присягала в верности Америку, кардиналу Сен-Мартен-де-Мон и легату Климента VI, который по-прежнему считал Неаполитанское королевство ленным владением церкви, как было с тех самых пор, когда его предшественники отлучили и низложили Швабский дом¹⁶. Для этой торжественной церемонии была избрана церковь Санта-Кьяра, место погребения неаполитанских монархов, где справа и слева от главного алтаря,

¹⁶ То есть дом Гогенштауфенов, германских императоров (1138–1251) и сицилийских королей (1194–1268).

в еще свежих усыпальницах покоились дед и отец юной королевы. Иоанна в королевской мантии, увенчанная короной, принесла клятву верности папскому легату в присутствии своего мужа, который в качестве простого свидетеля стоял позади наравне с другими принцами крови. Среди прелатов, облеченных всеми знаками священнического достоинства и составлявших блестящую свиту авиньонского посла, можно было увидеть архиепископов Пизы, Бари, Капуи и Бриндизи, а также преподобных отцов Уголино, епископа Каstellы, и Филиппа, епископа Кавайонского, канцлера королевы. Вся неаполитанская и венгерская знать присутствовала при этом акте, которым Андрей столь явным и возмутительным образом отстранялся от трона. При выходе из церкви ожесточение противоборствующих партий прорвалось с такой неизбежностью, противники обменивались столь враждебными взглядами и столь угрожающими речами, что принц, не чувствуя в себе сил сражаться со своими недругами, в тот же вечер написал матери и сообщил ей, что намерен покинуть страну, где с детства испытывал только разочарования и горести.

Тем, кто знает материнское сердце, легко догадаться, что едва Елизавета Польская получила известие об опасности, которой подвергается ее сын, как она немедленно прибыла в Неаполь, где никто не ожидал ее появления. Тотчас же распространился слух, что королева Венгрии приехала, чтобы увезти своего сына, и это неожиданное решение возбудило

странные толки и придало воспаленным и смущенным умам новое направление мыслей. Императрица Константинопольская, катанийка, две ее дочери и все придворные, расчеты которых опрокидывал внезапный отъезд Андрея, постарались оказать прибывшей королеве Венгрии самый сердечный, самый почтительный прием, чтобы убедить ее, что одиночество и уныние молодого принца среди столь любезного и преданного двора объясняются лишь его неоправданной недоверчивостью, гордыней и нелюдимостью, присущими его характеру. Иоанна встретила свекровь с таким твердым и законным чувством собственного достоинства, что Елизавета, несмотря на свое предубеждение, не могла не восхищаться серьезностью, благородством и глубиной чувств невестки. Чтобы пребывание в Неаполе доставило знатной чужестранке возможно больше удовольствия, были устроены празднества и турниры, на которых бароны королевства соперничали в роскоши и великолепии. Императрица Константинопольская и катанийка, Карл Дураццо и его молодая жена теплее всех высказали свою приязнь матери принца. Мария, по своей крайней молодости и мягкости характера остававшаяся в стороне от интриг, последовала скорее влечению своего сердца, нежели приказам мужа, и окружила королеву Венгрии такой нежностью и предупредительностью, словно то была ее собственная мать. Но, несмотря на все свидетельства почтения и любви, Елизавета Польская, трепеща за сына, поскольку беспокойство о нем подсказывал ей материн-

ский инстинкт, упорствовала в первоначальном намерении и считала, что Андрей лишь тогда будет в безопасности, когда окажется вдали от этого столь дружественного на первый взгляд, но столь вероломного на самом деле двора.

Казалось, больше всех был удручен этим отъездом и всеми способами старался ему воспрепятствовать брат Роберт. Погруженный в политические комбинации, с ожесточением игрока, близкого к выигрышу, предаваясь своим тайным планам, доминиканец, который видел, что близок к цели, и с помощью хитрости, труда и терпения готов был наконец раздавить своих врагов и установить полное свое господство, вдруг увидел, что мечты его вот-вот развеются, и собрал все силы, чтобы победить мать своего питомца. Но в сердце Елизаветы опасения звучали громче, нежели все увещевания монаха, и она ограничивалась тем, что на каждый довод брата Роберта возражала, что сын ее уже не будет королем, не будет обладать полной неограниченной властью, а значит, неразумно было бы оставлять его в досягаемости для его недругов. Видя, что все пропало и что он не в силах победить опасения этой женщины, служитель Божий ограничился тем, что попросил у нее еще три дня, а затем, мол, если не придет ответ, на который он рассчитывает, он не только не станет более противиться отъезду Андрея, но сам его проводит и навсегда откажется от плана, который так дорого ему обошелся.

На исходе третьего дня, когда Елизавета решительно го-

товилась к отъезду, монах вошел к ней с сияющим видом и показал ей письмо с поспешно сломанными печатями.

– Благословен Господь, государыня! – торжествующим голосом вскричал он. – Наконец-то я могу дать вам неопровержимые доказательства своего неустанного усердия и справедливости моих предвидений.

Мать Андрея, с жадностью пробежав глазами пергамент, перевела недоверчивый взгляд на монаха: она не смела дать волю радости, переполнявшей ее сердце.

– Да, государыня, – продолжал монах, поднимая голову, и его безобразное лицо осветилось вдохновением, – да, государыня, вы можете верить своим глазам, коль скоро не пожелали верить моим словам: это не мечта, рожденная чересчур пылким воображением, не галлюцинация чрезмерно доверчивого ума, не предрассудок слишком ограниченной мысли; это план, который был задуман без спешки, составлен с большим тщанием и искусно осуществлен; это плод моих бдений, вседневных раздумий, это дело всей моей жизни. Я знал, что при Авиньонском дворе у вашего сына имеются могущественные недруги; но знал также и то, что в день, когда я именем моего принца возьму на себя священное обязательство отменить законы, которые привели к охлаждению между папой и Робертом, питающим, впрочем, безраздельную приверженность к церкви, – я знал, что в этот день мое предложение не встретит отказа, и приберегал его как последнее средство на черный день. Как видите, государыня, я

не ошибся в расчетах, наши недруги посрамлены, и ваш сын восторжествовал.

И, обратясь к Андрею, который вошел в этот миг и, услышав только последние слова, нерешительно застыл на пороге, он добавил:

– Подите сюда, дитя мое, исполнились наши желания: вы – король.

– Король? – повторил Андрей, ослобенев от радости, сомнений и удивления.

– Король Сицилии и Иерусалима. Да, ваше высочество, вам нет нужды читать этот пергамент, из коего мы узнали столь радостную и неожиданную весть; взгляните на слезы вашей матушки, которая отворила объятия, дабы прижать вас к груди; взгляните на восторг вашего старого наставника, который склоняется к вашим коленям, чтобы поздравить вас с титулом, который он готов был бы скрепить собственной кровью, если бы и впредь вам продолжали в нем отказывать.

– И все же, – возразила Елизавета, погрузившись в печальные раздумья, – если бы я следовала своим предчувствиям, наши планы касательно отъезда не изменились бы, невзирая на новость, которую вы нам сообщили.

– Нет, матушка, – пылко возразил Андрей, – вы не захотите заставить меня покинуть королевство в ущерб своей чести. Если я излил перед вами горечь и скорбь, коими недруги преисполнили мою молодость, то двигало мною не малодушие, но бессилие, не дававшее мне обрушить на них

ужасную и беспощадную месть за все их тайные оскорбления, скрытые обиды, коварные интриги. Не думайте, что руке моей недоставало мощи: нет, но моему челу недоставало короны. Я мог бы раздавить нескольких из этих негодяев, быть может, наиболее дерзостных, быть может, наименее опасных; но я наносил бы удары вслепую, но главари от меня ускользнули бы, но я никогда не добрался бы до сердцевины этого адского заговора. И вот я в тиши задыхался от негодования и стыда. А теперь, когда мои священные права признаны церковью, – вы увидите, матушка, как эти грозные бароны, эти советники королевы, эти хранители королевства повергнутся во прах, потому что ныне им угрожает не шпага, ныне им предлагают не поединок, и не равный обращается к ним, а король бросает им обвинение, закон выносит им приговор, а карает их эшафот.

– О мой возлюбленный сын, – воскликнула королева, заливаясь слезами, – я никогда не сомневаюсь ни в благородстве твоих чувств, ни в справедливости твоих притязаний, но теперь, когда жизнь твоя в опасности, могу ли я склонять слух к другим голосам, кроме голоса тревоги? Могу ли подавать другие советы, кроме тех, какие подсказывает мне любовь?

– Уверяю вас, матушка: если бы руки этих негодяев не дрожали так же, как их сердца, вы уже давно оплакивали бы вашего сына.

– Но я боюсь не насилия, а предательства.

– Моя жизнь в руках Всевышнего, как жизнь каждого из людей; ее может похитить последний сбир на повороте дороги, но король принадлежит своему народу.

Несчастливая мать долго пыталась победить решимость Андрея доводами и мольбами; но когда она, исчерпав все средства убеждения и пролив все слезы, поняла, что ей придется расстаться с сыном, она призвала к себе Бертрана де Бо, верховного юстициария королевства, и Марию, герцогиню Дураццо, и, доверяя мудрости старца и невинности молодой женщины, поручила им свое дитя в самых нежных и душевраздирающих выражениях; затем она сняла с пальца перстень драгоценной работы и, отведя принца в сторону, надела перстень ему на указательный палец; сжав сына в объятиях, она сказала ему с чувством и трепетом в голосе:

– Сын мой, раз уж ты отказался последовать за мной, прими этот магический талисман: я не должна была прибегать к нему иначе как в случае крайней надобности. Пока у тебя на пальце это кольцо, тебя не одолеют ни сталь, ни яд.

– Вот видите, матушка, – с улыбкой отвечал принц, – я так надежно защищен, что теперь у вас нет ни малейшей причины трепетать за мою жизнь.

– Смерть бывает не только от яда и стали, – вздыхая, возразила королева.

– Успокойтесь, матушка: самый могущественный талисман, хранящий от всех напастей, – это молитвы, которые вы возносите за меня Богу; это нежная память о вас, которая

всегда будет укреплять меня на пути долга и справедливости; это ваша материнская любовь, которая издали будет оберегать и прикроет меня крылами, словно ангел-хранитель.

Елизавета, рыдая, поцеловала сына; и когда она отрывалась от него, ей казалось, что сердце разрывается у нее в груди. Наконец она решилась уезжать: провожал ее весь двор, ни разу не изменивший по отношению к ней ни рыцарственной учтивости, ни усердного почтения. Несчастливая мать, бледная, еле держась на ногах, чуть живая, шла, опираясь на руку Андрея, чтобы не упасть. Взойдя на корабль, которому предстояло навсегда разлучить ее с сыном, она в последний раз прижалась к его груди, надолго замерла, молча, без слез, без движений, когда был дан сигнал к отплытию, она почти без чувств упала на руки своих прислужниц. Томимый смертельной тревогой, Андрей остался на берегу, провожая глазами быстро удалявшийся парус, уносивший все, что было ему дорого в мире. Вдруг ему показалось, что издали машут чем-то белым: это его мать, огромным усилием воли овладев собой, выбралась на палубу, чтобы послать ему последнее прощание: она, горемычная, чувствовала, что видит сына в последний раз.

Почти в тот самый миг, когда мать Андрея удалялась из королевства, испустила последний вздох бывшая королева Неаполя, вдова Роберта, донья Санча Арагонская. Ее погребли в монастыре Санта-Мария-делла-Кроче под именем Клары, которое она приняла, когда приносила монашеский

обет, как говорится о том в ее эпитафии. Вот эта эпитафия:

«Здесь, примером великого смирения, покоится прах святой сестры Клары, в прошлом – светлой памяти Санчи, королевы Сицилийской и Иерусалимской, вдовы его светлейшего величества Роберта, короля Сицилийского и Иерусалимского; она же королева после кончины своего супруга-короля год вдовела, а затем сменила переходящие блага на вечные и из любви к Господу избрала бедность, раздала свое добро неимущим и принесла обет послушания в созданной ее попечением славной обители Святого Креста, а было это в 1344 году, 21 января XII индикта¹⁷; там вела благочестивую жизнь по правилам, установленным блаженным Франциском, отцом бедных, и окончила свои дни в праведности в году от Рождества Христова 1345, 28 июля XIII индикта. На другой день она была погребена в этой гробнице».

Смерть доньи Санчи ускорила катастрофу, которой суждено было обогреть кровью неаполитанский трон: казалось, Господь пожелал уберечь от жестокого зрелища этого ангела любви и смирения, эту заступницу, которая рада была бы принести себя в жертву, чтобы искупить злодеяния своей семьи.

Спустя неделю после погребения прежней королевы к Иоанне вошел бледный, небрежно одетый, растрепанный

¹⁷ Индикт – введенный в 312 г. византийским императором Константином I цикл 15-летнего исчисления времени. Просуществовал до XVIII в.

Бертран д'Артуа; невозможно описать его смятение и растерянность. Иоанна в испуге устремилась навстречу возлюбленному, взглядом вопрошая его о причине такого волнения.

– Я предрекал, государыня, – в гневе воскликнул молодой граф, – что в конце концов вы всех нас погубите, если будете упорно отказываться слушать мои советы.

– Заклинаю вас, Бертран, говорите без обиняков: что еще стряслось, каким советам я отказалась последовать?

– Стряслось то, государыня, что Авиньонский двор только что признал вашего высокородного супруга Андрея Венгерского королем Иерусалимским и Сицилийским, и отныне вы – его раба.

– Вы бредите, граф д'Артуа.

– Нет, государыня, это не бред, и правота моих слов подтверждается тем, что в Капую прибыли папские легаты, которые привезли с собой коронационную буллу, и нынче же вечером они могли бы уже явиться в Кастельнуово, если бы не хотели дать новому королю время для приготовлений.

Королева поникла головой, словно у самых ног ее ударила молния.

– Когда я говорил вам, – продолжал граф со все возрастающей яростью, – что силу можно победить только силой, что следует сокрушить ярмо этой унижительной тирании, что необходимо избавиться от этого человека прежде, чем он сумеет вам навредить, вы всегда отступали, охваченная дет-

ским страхом и презренной женской нерешительностью.

Иоанна подняла на возлюбленного глаза, полные слез.

– Боже мой! Боже мой! – воскликнула она, с отчаянием простирая молитвенно сложенные руки. – Неужели я вечно буду слышать вокруг себя этот роковой клич, зовущий к убийству! И вы, Бертран, вы тоже его повторяете, как Карл Дураццо, как Роберт Кабанский! Почему вы хотите, несчастный, чтобы меж нами встал окровавленный призрак и чтобы его ледяная рука стала преградой нашим преступным поцелуям? Довольно преступлений! Пускай он царствует, если его злополучное честолюбие влечет его к трону. На что мне власть? Лишь бы он не отнимал у меня вашей любви!

– Наша любовь едва ли продлится долго.

– Что вы хотите сказать, Бертран? Вам нравится меня безжалостно мучить.

– Я говорю, государыня, что новый король Неаполитанский приготовил черный стяг, который понесут впереди него в день коронации.

– И вы полагаете, – спросила Иоанна, побледнев, как покойница, завернутая в саван, – вы полагаете, что этот стяг означает угрозу?

– Которая уже начинает осуществляться.

Королева пошатнулась и оперлась о стол, чтобы не упасть.

– Расскажите мне все, – задыхающимся голосом проговорила она, – не бойтесь меня напугать; вот видите, я не дрожу. О Бертран, умоляю вас!

– Предатели начали с человека, которого вы более всего почитаете, с самого мудрого из королевских советников, с самого безупречного судьи, с самого благородного сердца, с самой строгой добродетели...

– Андреа д'Изерния!

– Его больше нет, государыня.

Иоанна испустила крик, словно видела, как при ней убивают благородного старца, которого она чтит наравне с отцом, и без сил молча опустилась в кресло.

– Как же его убили? – наконец заговорила она, устремив на графа перепуганный взгляд.

– Вчера вечером, когда он выходил из дворца, направляясь к себе домой, перед Порта-Петручча на пути у него внезапно вырос человек, один из фаворитов Андрея, Коррадо Готтис, который был, несомненно, избран потому, что у него были основания жаловаться на неподкупного судью: тот недавно вынес ему обвинительный приговор, так что убийство могло объясняться личной мстостью. Негодяй подал знак двум-трем соучастникам, которые окружили жертву, не оставляя ей ни одной лазейки к спасению. Несчастный старик пристально взглянул на своего убийцу и спокойно спросил, что тому надо. «Мне надо лишить тебя жизни, как ты лишил меня победы в тяжбе», – воскликнул головорез и, не оставляя судье времени для ответа, пронзил его шпагой. Тогда и остальные набросились на беднягу, который даже не пытался звать на помощь, и нанесли ему множество ран,

изуродовав самым безжалостным образом его труп, который затем бросили плавать в луже крови.

– Ужасно! – прошептала королева, закрыв лицо руками.

– Это лишь первый, пробный удар: уже составлены про-
странные проскрипционные списки; Андрею нужна кровь,
чтобы отпраздновать свое восшествие на неаполитанский
трон. А знаете ли вы, Иоанна, кем открывается список при-
говоренных?

– Кем? – спросила королева, содрогаясь с головы до пят.

– Мною, – как ни в чем не бывало отвечивал граф.

– Тобой? – возопила Иоанна, выпрямляясь во весь рост. –
Теперь они хотят расправиться с тобой? О, берегись же, Ан-
дрей, ты сам подписал свой смертный приговор. Я долго от-
водила кинжал, приставленный к твоей груди; но ты исчер-
пал мое терпение. Горе тебе, принц Венгерский! Кровь, про-
литая тобой, падет на твою голову!

Пока она говорила, бледность сбежала с ее щек, прекрас-
ное лицо разгорелось пламенем мщения, глаза начали метать
молнии. На это шестнадцатилетнее создание страшно было
смотреть: она с судорожной нежностью стиснула руку воз-
любленного и прижалась к нему, словно хотела прикрыть его
своим телом.

– Твой гнев запоздал, – печальным и нежным голосом
продолжал молодой граф, которому Иоанна показалась в
этот миг столь прекрасной, что у него не было сил ее упре-
кать. – Разве ты не знаешь, что его мать оставила ему талис-

ман, хранящий от яда и стали?

– Он умрет, – твердым голосом ответила Иоанна, и лицо ее озарилось столь странной улыбкой, что граф смутился: ему тоже сделалось страшно.

На другой день молодая королева Неаполитанская, более прекрасная и сияющая, чем когда бы то ни было, непринужденно и изящно уселась у окна, за которым открывался волшебный вид на залив, и принялась ткать своими белыми руками белую с золотом ленту. Пробежав на две трети свою огненную дорогу, солнце медленно погружало лучи в синие прозрачные воды, в которых отражалась вершина Позилиппо, увенчанная цветами и зеленью. Теплый, напоенный ароматами бриз, мимолетно скользнув по апельсиновым рощам Сорренто и Амальфи, нес восхитительную прохладу жителям столицы, окованным блаженной истомой. Весь город просыпался после долгой сиесты, вздыхал с облегчением и раскрывал сомкнутые дремотой глаза; мол покрылся шумной многолюдной толпой, пестревшей самыми яркими красками; праздничные клики, веселые песни, любовные куплеты слышались со всех сторон обширного амфитеатра, представляющего собой одно из удивительнейших чудес света, и достигали ушей Иоанны, которая внимала им, склонясь над работой и погружившись в глубокую задумчивость. Внезапно, когда она, казалось, была всецело поглощена своим рукоделием, ее заставил вздрогнуть еле слышный звук осторожного дыхания и почти неразличимое шуршание ткани,

задевшей ее за плечо; она обернулась, словно ее внезапно разбудило прикосновение змеи, и заметила мужа: разодетый в пышный наряд, он небрежно оперся о спинку ее кресла. Принц давно уже не приходил вот так, запросто, к своей супруге. И это движение, свидетельствовавшее о ласке и преданности, показалось королеве дурным предзнаменованием. Андрей, казалось, не заметил взгляда, полного ненависти и ужаса, который невольно устремила на него королева, и, придав холодному правильному лицу выражение самой явной нежности, на какую только он был способен в этих обстоятельствах, спросил:

– Зачем вы мастерите эту ленту, моя любимая и верная супруга?

– Чтобы повесить вас, ваше высочество! – улыбаясь в свой черед, отвечала королева.

Андрей пожал плечами, расслышав в этой неслыханной дерзкой угрозе лишь грубую шутку. Потом, видя, что Иоанна опять принялась за рукоделие, он вновь попытался завязать разговор.

– Признаю, – продолжал он с отменным спокойствием в голосе, – что вопрос мой был по меньшей мере излишним; по усердию, какое вы вкладываете в вашу искусную работу, мне следовало догадаться, что она предназначена для какого-нибудь прекрасного кавалера, которому вы собираетесь послать эту ленту, дабы ваши цвета хранили его в опасных предприятиях. В таком случае, моя прекрасная повелитель-

ница, прошу, чтобы ваши уста произнесли приказ: укажите место и время испытания, и я заранее уверен, что приз, который я готов оспорить у всех ваших обожателей, останется за мной.

– Сомнительно, – возразила Иоанна, – так же ли вы отважны в военном деле, как в любви?

И она бросила на мужа такой вызывающий и презрительный взгляд, что молодой человек залился румянцем.

– Надеюсь, – сдерживая себя, ответил Андрей, – что вскоре дам вам такие свидетельства своей приязни, что вы уже не сможете в ней усомниться.

– И что же внушает вам такую надежду, ваше высочество?

– Об этом я скажу, если вам будет угодно серьезно меня выслушать.

– Я слушаю вас.

– Ну что ж! Я с доверием смотрю в грядущее, а причиной тому – сон, который приснился мне минувшей ночью.

– Сон! Вам следовало бы дать мне хоть какие-нибудь пояснения на сей предмет.

– Мне снилось, будто в городе великий праздник: многолюдная толпа заполнила улицы, подобно вышедшему из берегов потоку, и в поднебесье звенели ее радостные клики; угрюмые мраморные и гранитные фасады скрылись под шелковыми полотнищами и цветочными гирляндами, церкви были украшены, как во время больших торжеств. Я ехал верхом бок о бок с вами. (Иоанна сделала исполненный гор-

дыни жест.) Простите, государыня, это всего лишь сон; итак, я ехал справа от вас на прекрасном белом коне в роскошной попоне, и верховный юстициарий королевства нес передо мной почетный знак – развернутое знамя. Торжественно проследовав по главным улицам города, мы под звуки фанфар и труб прибыли в королевскую церковь Санта-Кьяра, где погребен ваш дед и мой дядя, и там, перед главным алтарем, папский легат вложил вашу руку в мою, а затем произнес долгую речь и по очереди увенчал нас короной Иерусалима и Сицилии; потом знать и народ вскричали в едином порыве: «Да здравствуют король и королева Неаполитанские!» И я, желая увековечить память о столь славном дне, посвятил в рыцари самых ревностных придворных.

– А не помните ли вы имена этих избранных, которых сочли достойными монаршей милости?

– Отчего же, государыня, отчего же: Бертран, граф д'Артуа...

– Довольно, ваше высочество, избавлю вас от труда перечислять остальных: я всегда верила, что вы великодушный и искренний государь; но сейчас вы дали мне новое тому доказательство, обратив свою милость на людей, которых я более всего удостоиваю доверия. Не знаю, скоро ли суждено осуществиться вашим желаниям, но, как бы то ни было, не сомневайтесь в моей вечной признательности.

В голосе Иоанны не чувствовалось ни малейшего волнения, взгляд стал ласков, и на губах блуждала нежнейшая

улыбка. Но с этого мига в сердце своем она обрекла Андрея смерти. В принце, слишком поглощенном собственными мстительными замыслами и слишком уверенном в могуществе талисмана и в своей воинской доблести, не шевельнулось ни малейшего подозрения, которое могло бы его предостеречь. Он долго беседовал с женой в том же дружелюбном и шутиливом тоне, пытаясь вызнать ее секреты и выдавая ей свои обрывками фраз и таинственными недомолвками. Когда ему показалось, что на челе у Иоанны растаяло последнее облачко прежней вражды, он стал умолять ее принять вместе со всей ее свитой участие в великолепной охоте, которую он назначил на 20 августа; Андрей добавил, что такая любезность со стороны королевы послужит для него надежнейшим залогом их полного примирения и полного забвения минувшего. Иоанна с очаровательной любезностью дала ему согласие, и принц удалился, полностью удовлетворенный разговором и убежденный, что стоит ему перебить фаворитов королевы, как она ему подчинится, а может быть, еще и полюбит его.

Но накануне 20 августа в глубине одной из боковых башен Кастельнуово разыгралась странная и ужасная сцена. Карл Дураццо, не перестававший во тьме лелеять свой адский замысел, получил от нотариуса, которому поручил следить за успехами заговора, предупреждение о том, что вечером того же дня назначено окончательное собрание заговорщиков; закутанный в черный плащ, он проскользнул в подземный

коридор и, спрятавшись за колонной, стал ждать исхода совещания. После двух часов изнурительного ожидания, ежесекундно слыша биение собственного сердца, Карл, как ему показалось, уловил шум отворяемой с великими предосторожностями двери; из щели фонаря вырвался слабый луч света и упал на свод, не рассеяв темноты: от стены отделился какой-то человек и пошел к нему, похожий на оживший барельеф. Карл легонько кашлянул: то был условный сигнал. Человек погасил фонарь и спрятал кинжал, который держал наготове из страха перед неожиданной опасностью.

– Это ты, мессир Никколо? – тихо спросил герцог.

– Я, ваша светлость.

– Ну?

– Решено убить принца завтра во время охоты.

– Ты узнал всех заговорщиков?

– Всех, хотя они прячут лица под масками; но когда они подавали голоса за его смерть, я узнал их по голосам.

– Ты мог бы мне их указать?

– И очень скоро: они пройдут в глубине этого коридора; постойте-ка, вот Томмазо Паче, который идет впереди, освещая им путь.

В самом деле, долговязый призрак в черном с головы до ног, с лицом, тщательно скрытым под бархатной маской, с факелом в руке, прошел в глубине коридора и остановился на первой ступеньке винтовой лестницы, что вела на верхние этажи. Заговорщики, пара за парой, словно вереница при-

видений, тихо приближаясь, на мгновение попадали в круг света, отбрасываемого факелом, и исчезали в темноте.

– Вот Карл и Бертран д'Артуа, – сказал нотариус, – вот графы Терлицци и Катандзаро; вот верховный адмирал и верховный сенешаль королевства, Годфруа де Марсан, граф де Скиллаче, и Роберт Кабанский, граф д'Эболи; эти две женщины, что тихо беседуют с такими оживленными жемствами, – Екатерина Тарантская, императрица Константинопольская, и Филиппа-катанийка, воспитательница и первая дама королевы; вот донна Конча, статс-дама и наперсница Иоанны, а вот графиня Морконе...

Нотариус остановился, видя, что появилась еще одна тень: она шла отдельно, понунив голову, бессильно уронив руки, и из-под складок ее просторного черного капюшона доносились приглушенные рыдания.

– А кто эта женщина, которая словно через силу бредет вслед зловещей процессии? – спросил герцог, сжимая руку спутника.

– Эта женщина? – шепнул нотариус. – Это же королева!

«А, она у меня в руках!» – подумал Карл, переводя дух с тем глубоким удовлетворением, которое, вероятно, испытывает сатана, когда в лапы к нему попадает душа, которой он долго домогался.

– А теперь, ваша светлость, – вновь подал голос мессир Никколо, когда кругом опять воцарились мрак и молчание, – если вы поручили мне следить за действиями заговорщиков,

чтобы спасти юного принца, хранимого вашей бдительной дружбой, поспешите его предупредить, потому что завтра, быть может, будет уже поздно.

– Следуй за мной! – властно вскричал герцог. – Пришла пора открыть тебе мои истинные намерения, дабы ты со всей точностью мог исполнять мои приказания.

И с этими словами он увлек нотариуса в сторону, противоположную той, где скрылись заговорщики. Мессир Никколо машинально брел за ним по лабиринту темных коридоров и потайных лестниц, не в силах объяснить себе внезапную перемену, явно произошедшую в уме его господина, как вдруг, проходя по одной из дворцовых передних, они повстречали Андрея, который весело их окликнул; принц с обычным дружелюбием пожал руку своему кузену Дураццо и спросил его с уверенностью, не допуская мысли об отказе:

– Ну, герцог, вы будете завтра на охоте?

– Простите меня, ваше высочество, – отвечал Карл, кланяясь до земли, – завтра я никак не могу вас сопровождать, поскольку моя жена тяжело заболела, но я прошу вас принять лучшего моего сокола.

И он бросил на нотариуса взгляд, пригвоздивший того к месту.

Утро 20 августа было светлым и ясным по иронии природы, столь разительно контрастирующей со страданиями людей. Едва рассвело, все уже были на ногах – господа и слуги, пажи и рыцари, принцы и придворные; со всех сторон гря-

нули радостные клики, когда появилась королева верхом на белоснежном скакуне во главе блестящей молодежи. Иоанна была, быть может, бледнее обычного, но эту бледность легко было объяснить тем, что королеве пришлось подняться очень рано. Андрей, рядом с Иоанной, горяча шенкелями одного из самых неистовых коней, на каких он ездил в жизни, заставлял его делать полуобороты то в одну, то в другую сторону; он красовался своим благородным обликом и наслаждался своей силой, юностью, тысячами лучезарных надежд, расцветивавших перед ним грядущее самыми яркими красками. Никогда еще неаполитанский двор не блистал такой пышностью; казалось, вся ненависть и все подозрения исчезли без следа; и даже сам брат Роберт, недоверчивый служитель Творца, видя, как под его окном проходит эта веселая кавалькада, разгладил свой насупленный лоб и гордо провел рукой по бороде.

Андрей намеревался несколько дней поохотиться между Капуей и Аверсой и вернуться в Неаполь не ранее, чем все будет готово для его коронации. Соответственно, в первый день охотились близ Мелито и миновали две-три кампанские деревушки. К вечеру двор остановился на ночлег в Аверсе, а поскольку в те времена в городе не было замка, достойного дать пристанище королеве и ее супругу с их многочисленной свитой, в королевский приют был преобразен монастырь Сан-Пьеро в Манджелле, выстроенный Карлом II в год 1309-й от Рождества Христова.

Покуда верховный сенешаль отдавал распоряжения насчет ужина и требовал поскорее приготовить покои для Андрея и его жены, принц, который весь день под палящим солнцем со страстью, присущей юности, предавался своему любимому развлечению, поднялся на террасу, чтобы подышать вечерним бризом вместе со своей доброй Изольдой, любимой кормилицей, которая, любя его больше матери, ни на мгновение с ним не расставалась. Принц был, казалось, оживлен и доволен, как никогда; он восхищался красотой природы, прозрачностью небес, ароматом листвы и засыпал кормилицу множеством вопросов, не заботясь об ответах, которые изрядно запаздывали, потому что бедная Изольда глядела на него с тем глубоким восхищением, которое делает матерей столь рассеянными, когда они любят своих детьми. Андрей пылко толковал об ужасном кабане, которого гнал утром по лесу, а потом поверг его, покрытого пеной, к своим ногам, а Изольда перебивала его, говоря, что у него в уголке глаза соринка. Андрей строил планы на будущее, а Изольда, глядя его по белокурым волосам, заботливо замечала, что он, должно быть, сильно притомился. Молодой принц, весь во власти восторга, говорил, что хочет бросить вызов судьбе, и мечтал об опасностях, чтобы побороться с ними, а бедная кормилица, заливаясь слезами, восклицала: «Вы больше меня не любите, дитя мое!»

Андрея рассердило, что она то и дело его перебивает, и он ласково побранил ее и высмеял за детские страхи. Потом,

безотчетно отдаваясь во власть нежной меланхолии, которая мало-помалу им овладела, он стал требовать у нее все новых и новых подробностей о своем детстве и долго беседовал с ней о своем брате Людовике, об уехавшей матери, и, когда вспомнил о прощании с нею, на глаза ему навернулись слезы. Изольда слушала его с радостью, с готовностью отвечала на все вопросы, но никакое предчувствие не шевельнулось у нее в сердце; бедная женщина любила Андрея всеми силами души, она отдала бы за него жизнь на земле и вечное блаженство на небе, но она не была ему матерью!

Когда все было готово, Роберт Кабанский пришел уведомить принца, что королева его ожидает; Андрей бросил последний взгляд на живописные поля, на которые ночь набросила усеянное звездами покрывало, поднес руку кормилицы к губам и сердцу, а затем медленно и словно с сожалением пошел за верховным сенешалем. Но вскоре огни, сиявшие в зале, вина, которые лились рекой, веселые речи, пылкие рассказы о дневных подвигах развеяли грусть, которая на мгновение омрачила чело принца. Только королева, облокотясь на стол, устремив в пространство неподвижный взгляд, плотно сжав губы, сидела на этом странном пиршестве, бледная и холодная, как зловещий призрак, вставший из могилы, чтобы нарушить веселье пирующих. Андрей, чей рассудок помутился под влиянием кипрского и сиракузского вина, возмутился тем, как ведет себя его жена, приписав ее манеру презрению; он налил кубок до краев и поднес его королеве.

Иоанна заметно содрогнулась, и губы ее судорожно искривились, но заговорщики звонкими восклицаниями заглушили невольный ропот, который вырвался у нее из груди. Посреди всеобщей неразберихи Роберт Кабанский предложил обильно угостить теми же винами, какие подавались к королевскому столу, венгерскую стражу, которая несла караул на подступах к монастырю, и эта необычная щедрость была встречена бурными рукоплесканиями. Вскоре крики солдат, свидетельствовавших свою признательность за столь неожиданное великодушие, смешались с приветственными криками пирующих. Чтобы окончательно одурманить принца винными парами, все то и дело восклицали: «Да здравствует королева! Да здравствует его величество король Неаполитанский!»

Оргия затянулась далеко за полночь; все с восторгом говорили об удовольствиях, которые предстоят им на другой день, и Бертран д'Артуа заметил вслух, что после такого позднего застолья едва ли все сумеют проснуться вовремя. Андрей объявил, что ему-то будет довольно часа или двух отдыха, чтобы полностью оправиться от усталости, и что он от души желает, чтобы все прочие последовали его примеру. Граф Терлицци со всей почтительностью усомнился в том, что принц окажется столь точен. Принц запротестовал и бросил вызов всем присутствующим баронам, утверждая, что встанет раньше всех; затем он вместе с королевой удалился в отведенные им покои, где вскоре забылся тяжелым глубо-

ким сном. Около двух часов ночи Томмазо Паче, камердинер принца и первый страж королевских покоев, постучался в дверь к своему хозяину, чтобы будить его на охоту. Ответом на первый стук была тишина; на второй Иоанна, не смыкавшая глаз всю ночь, шевельнулась, словно желая встряхнуть мужа и предупредить о грозящей ему опасности; по третьему стуку несчастный юноша резко пробудился и, слыша в соседней комнате смех и шушуканье, убежденный, что его лень дала повод к насмешкам, соскочил с постели – с непокрытой головой, одетый в одну рубашку, едва обутый – и отворил дверь. Далее приводим слово в слово рассказ Доменико Гравины, одного из наиболее достоверных хроникеров.

Едва показался принц, заговорщики набросились на него все разом, чтобы задушить голыми руками, – ведь он не мог погибнуть ни от стали, ни от яда благодаря кольцу, которое дала ему его несчастная мать. Но Андрей был силен и проворен; видя бесчестную измену, он стал защищаться с нечеловеческой силой; испуская страшные вопли, он вырывался из рук убийц; лицо его кровоточило, из головы были выдраны клочья белокурых волос. Несчастный юноша попытался вернуться к себе в опочивальню, чтобы взять оружие и дать мужественный отпор убийцам, но нотариус Никколо ди Меллаццо подбежал к двери, просунул свой кинжал наподобие засова в скобы замка и помешал ему войти. Принц, по-прежнему крича и призывая себе на помощь своих верных слуг, вернулся в залу, но все двери были заперты, и никто не спе-

шил ему на подмогу; королева молчала, нисколько не заботясь о том, что ее мужа убивают.

Между тем кормилица Изольда, до которой донеслись вопли ее любимого питомца и господина, вскочила с постели и, подбежав к окну, огласила дом душераздирающими криками. Хотя место было безлюдное и так удалено от центра города, что некому было прибежать на шум, все же предатели, испуганные криком, который она подняла, уже готовы были выпустить свою жертву, но тут Бертран д'Артуа, чувствуя за собой большую вину, чем остальные, и одержимый сатанинской яростью, изо всех сил обхватил принца и после отчаянной борьбы повалил на землю, а потом выволок его за волосы на балкон, выходящий в сад, и, придавив ему грудь коленом, вскричал, обращаясь к остальным:

– Ко мне, бароны! У меня есть чем его удавить!

И он накинул ему на шею бело-золотую ленту; несчастный между тем отбивался изо всех сил, но Бертран проворно завязал узел, а другие, перекинув тело через парапет балкона, оставили его так болтаться между небом и землей, пока он не задохнулся насмерть. Граф Терлицци в ужасе отвел глаза от зрелища этой страшной агонии, и Роберт Кабанский повелительно крикнул ему:

– Что вы мешкаете, кузен? Веревка достаточно длинна, и каждый из нас может за нее подержаться: нам нужны не свидетели, а сообщники.

Едва затихли последние содрогания умирающего, труп

его был сброшен с высоты трех этажей, двери в залу отворены, и убийцы разошлись как ни в чем не бывало.

Изольда наконец раздобыла огня, поспешно поднялась в опочивальню королевы и, найдя дверь запертою изнутри, принялась во весь голос звать своего мальчика. Никакого ответа; но королева между тем была в опочивальне! Растрепанная, потерявшая голову кормилица, дрожа, прошла по всем переходам, стуча во все кельи, перебудила всех монахов, одного за другим, и стала умолять их поискать принца вместе с ней. Монахи отвечали, что в самом деле слышали шум, но думали, что это ссорятся пьяные или мятежные солдаты, и не сочли нужным вмешиваться. Изольда настаивала, упрашивала их все горячее; по монастырю распространилась тревога; отшельники потянулись следом за кормилицей, которая шла впереди со светильником. Она вышла в сад; заметила на траве что-то белое, трепеща, подошла поближе, испустила пронзительный вопль и упала ничком.

Несчастный Андрей лежал в луже крови, на шее веревка, как у вора, голова разбита от падения с высоты. Тогда двое монахов поднялись в покои королевы и, почтительно постучавшись в двери, спросили у нее заунывными голосами:

– Ваше королевское величество, что прикажете делать с трупом вашего супруга?

Королева не отвечала, и тогда они спустились в сад и, преклонив колена – один в головах, а другой в ногах покойного, – принялись тихими голосами читать покаянные псалмы.

Они молились час, затем два других монаха вновь поднялись к дверям опочивальни и повторили тот же вопрос, но Иоанна снова не дала ответа; тогда эти двое сменили первых монахов и тоже стали молиться. Наконец третья пара монахов выросла у дверей неумолимой опочивальни, и когда они тоже вернулись, удрученные тем, что их обращение не возымело успеха, народ вокруг монастыря возмутился, и из смятенной толпы стали раздаваться негодующие крики. Толпа все густела, в голосах слышалось все больше угроз, людской поток готов был захлестнуть монастырь, послуживший пристанищем королеве, как вдруг появилась королевская стража, вооруженная копьями, а затем пораженную, изумленную толпу пересекли наглухо закрытые носилки, окруженные наиболее влиятельными придворными баронами. Иоанна, укутанная черным покрывалом и окруженная эскортом, направилась в Кастельнуово, и ни одна душа, как утверждают историки, не осмелилась более заговорить с ней об этой смерти.

Но ужасная роль Карла Дураццо должна была начаться немедленно после преступления. Герцог на два дня бросил на ветру и под дождем без почестей и погребения останки человека, которого папа римский уже нарек королем Сицилии и Иерусалима, дабы это жалкое зрелище разжигало гнев толпы. Затем, на третий день, он велел с величайшими почестями перевезти убитого в неаполитанский собор и, собрав вокруг катафалка всех венгров, вскричал громовым голосом:

– Дворяне и простолюдины, вот наш король, подло заду-

шенный бесчестными предателями. Бог не замедлит открыть нам имена всех преступников. Пускай те, кто желает, чтобы свершилось правосудие, поднимут руку и поклянутся обрушить на убийц кровавую кару, беспощадную ненависть, вечную месть!

В ответ грянул единодушный крик, поселивший отчаяние и страх в сердцах заговорщиков, и народ рассеялся по городу, восклицая: «Мщение! Мщение!»

Божественное правосудие, не ведающее привилегий и не испытывающее трепета перед коронами, настигло сначала Иоанну и ее любовь. Стоило влюбленным увидеться, их обоих охватил ужас и отвращение, и они отшатнулись друг от друга: королева увидела в нем лишь палача ее мужа, а он в ней – причину своего злодейства и, быть может, неминуемого наказания. На лице у Бертрана д'Артуа запечатлелось смятение, щеки ввалились, глаза были обведены свинцово-серыми тенями; когда перед ним возникло чудовищное видение, рот его мучительно искривился, рука с указующим перстом простерлась вперед. Лента, которой он удавил Андрея, виделась теперь ему на шее у королевы; она была затянута так туго, что врезалась в тело, и какая-то невидимая сила, какое-то дьявольское внушение побуждало его, Бертрана, своими руками удавить эту женщину, которую он так любил, которую когда-то обожал, преклоняясь перед нею. Граф бросился вон из комнаты, в отчаянии размахивая руками и произнося бессвязные слова; поскольку в нем заметны были признаки ду-

шевной болезни и безумия, отец его, Карл д'Артуа, увел его с собой, и в тот же вечер оба уехали в свое поместье в Санта-Агату и стали укреплять замок на случай нападения.

Но мука Иоанны, медленная и чудовищная мука, которой предстояло длиться тридцать семь лет и завершиться ужасной смертью, только началась. Все злодеи, запятнавшие себя кровью Андрея, явились к ней один за другим и потребовали платы за убийство. Катанийка и ее сын, ныне державшие в руках не только честь, но и самую жизнь королевы, удвоили алчность и требовательность; донна Конча не знала удержу в разгуле, а императрица Константинопольская потребовала у племянницы, чтобы та вышла замуж за ее старшего сына Роберта, принца Тарантского. Иоанна, терзаемая угрызениями совести, снедаемая возмущением, униженная спесью своих подданных, снизошла к уговорам и ограничилась тем, что попросила несколько дней отсрочки; императрица согласилась с условием, что ее сын поселится в Кагельнуово и получит разрешение видеть королеву, и Роберт Тарантский обосновался во дворце.

Со своей стороны, Карл Дураццо, который после смерти Андрея стал чуть ли не главой семьи и который по завещанию старого короля в случае, если Иоанна умрет, не оставив законных детей, становился через свою жену Марию наследником королевской короны, объявил королеве два требования: во-первых, чтобы она не смела вступать в новый брак, не испросив у него совета в выборе супруга; во-вторых, что-

бы она немедля пожаловала его титулом герцога Калабрийского, а чтобы подвигнуть кузину на эту двойную жертву, он добавил, что в случае, если она намерена отказать ему в какой-либо из этих просьб, он представит правосудию доказательства преступления и имена злодеев. Иоанна, поникнув под тяжестью этого нового бедствия, не видела способа его избежать, но Екатерина, которая одна ощущала в себе силы бороться против своего племянника, отвечала, что следует сбить спесь с герцога Дураццо и развеять его надежды, объявив, прежде всего, что королева ожидает ребенка, что было чистой правдой, а если, несмотря на это известие, он будет упорствовать в своих планах, тогда уж она берется найти способ посеять в семье племянника смятение и раздоры, чтобы уязвить его в самых заветных привязанностях или интересах и публично опозорить в глазах жены и матери.

Карл холодно улыбнулся, когда тетка явилась к нему и сообщила от имени королевы, что Иоанна готовится стать матерью и что отец ребенка – Андрей. В самом деле, какое значение мог иметь еще не рожденный младенец, который и впрямь прожил всего несколько месяцев, в глазах человека, который с поразительным хладнокровием, подчас с помощью своих недругов, избавлялся от всех, кто оказывался препятствием у него на пути? Он ответил императрице, что радостная весть, которую он имел честь услышать из ее уст, не только не уменьшает его снисходительности к кузине, но, напротив, обязывает его отнести к Иоанне с еще большей

добротой и большим вниманием; а посему он настаивает на своем предложении и подтверждает обещание не мстить ей за смерть любезного Андрея, тем более что если родится ребенок, значит, преступление словно бы не вполне удалось; но в случае отказа он будет неумолим. Он искусно намекнул Екатерине Тарантской, что она также замешана в убийстве принца, а потому ей самой было бы выгодно уговорить королеву не доводить дело до судебного разбирательства.

Императрица, судя по всему, не осталась безучастна к угрозам племянника и пообещала ему сделать все возможное, чтобы убедить королеву уступить всем его притязаниям, однако с условием, чтобы Карл дал ей время, достаточное для исполнения столь деликатного поручения. Но Екатерина воспользовалась отсрочкой, которой сумела добиться у честолюбивого герцога Дураццо, чтобы обдумать мщение и обеспечить себе средства для верного успеха. После нескольких планов, за которые она с восторгом хваталась, а потом с сожалением отвергала их, она остановилась наконец на адском неслыханном замысле, — разум отказался бы в него поверить, если бы его не удостоверяли все историки как один. Уже несколько дней бедная Агнесса Дураццо страдала от загадочного недомогания, и, быть может, беспокойный, вспыльчивый нрав ее сына был не последней причиной ее коварной и мучительной хвори. И вот императрица решила обрушить на несчастную мать первые последствия своей ненависти. Она призвала графа Терлицци и его любовницу

донну Кончу, а поскольку эта последняя по приказу королевы ходила за Агнессой во время ее болезни, Екатерина подговорила молодую статс-даму, которая тогда была беременна, подменить мочу больной своею собственной, дабы врач, обманувшись этой уликой, открыл Карлу Дураццо вину и бесчестье его матери. С тех пор как граф приложил руку к цареубийству, он жил в постоянном страхе перед доносом и ни в чем не смел перечить воле императрицы, а донна Конча, чье легкомыслие не уступало развращенности, была вне себя от радости, что подвернулся случай сквитаться с добродетельной принцессой крови, которая одна хранила строгость нравов посреди двора, славившегося своей испорченностью. Заручившись согласием сообщников и их молчанием, Екатерина распустила смутные и неправдоподобные слухи, которые, однако, могли бы обернуться смертельной опасностью в случае, если бы обнаружилось доказательство; гнусное обвинение пошло передаваться из уст в уста и наконец достигло ушей Карла.

Услыхав это чудовищное разоблачение, герцог содрогнулся, немедля призвал к себе домашнего лекаря и строго спросил у него, каковы причины недомогания его матери. Лекарь побледнел, смешался, но, подгоняемый угрозами Карла, признался: у него есть основания подозревать, что герцогиня беременна, но, поскольку в первый раз он мог ошибиться, то, прежде чем вынести суждение по столь серьезно-му поводу, он хотел бы произвести вторичную проверку. На

другой день, когда лекарь выходил из спальни Агнессы, герцог налетел на него и не успел задать ему вопрос, как по боязливому жесту и молчанию лекаря понял, что его опасения более чем справедливы. Однако лекарь, вооружась чрезмерной осторожностью, объявил, что желает произвести третью проверку. Для грешников в аду время не тянется так долго, как тянулось оно для Карла до того мгновения, когда он обрел уверенность в том, что мать его виновна. На третий день врач от всего сердца и с чистой совестью подтвердил, что Агнесса Дураццо беременна.

– Хорошо, – сказал Карл и отослал лекаря, не выказав ни малейшего волнения.

Вечером герцогине дали снадобье, прописанное лекарем, но спустя полчаса у нее начались нестерпимые боли; герцога известили о том, что следует, быть может, пригласить других врачей, поскольку лекарство, назначенное обычным доктором, не только не облегчает состояния больной, но и привело к ухудшению.

Карл не спеша поднялся к герцогине и отослал всех, кто находился у ее одра, под тем предлогом, что их неловкость только усугубляет страдания матери; он запер дверь и остался наедине с ней. Бедная Агнесса при виде сына забыла о боли, разрывавшей ей внутренности, нежно сжала руку сына и сквозь слезы улыбнулась ему.

Карл, у которого на лбу выступил холодный пот, лицо из медно-красного стало серым, а зрачки угрожающе расшири-

лись, склонился к больной и угрюмо спросил:

– Ну, матушка, вам уже полегчало немного?

– Ох, мне больно, мне ужасно больно, мой бедный Карл! У меня словно расплавленный свинец течет по жилам. О сын мой, созови братьев, чтобы я дала вам свое последнее благословение, потому что я недолго вынесу эту муку. Я горю! Ох, сжался надо мной, скорее позови лекаря: я отравлена.

Карл застыл у ее изголовья.

– Воды! – пресекающимся голосом твердила умирающая. – Воды! Врача, исповедника, детей! Я хочу видеть детей!

Но герцог бесстрастно стоял на месте и молчал; бедная мать подумала, что сын от горя утратил дар речи и способность двигаться, и, хотя страдания изнурили ее, она отчаянным усилием воли села в кровати и, тряхнув его за руку, вскричала из последних сил:

– Карл, сын мой! Что с тобой? Бедное моя дитя, мужайся: надеюсь, все обойдется, но поспеши, позови на помощь, позови моего лекаря. О, ты не можешь вообразить, как я страдаю!

– Ваш лекарь, – холодно и медленно отвечал Карл, и каждое его слово впивалось в душу матери, словно удар кинжала, – ваш лекарь не может прийти к вам.

– Почему? – в ужасе спросила Агнесса.

– Тот, кто владел тайной нашего позора, не должен был остаться в живых.

– Несчастный! – возопила умирающая, вне себя от страха и горя. – Вы его убили. Вы, быть может, отравили вашу мать! О Карл, Карл! Да будет с тобой милость Божья!

– Вы сами того хотели, – глухо откликнулся Карл, – вы сами толкнули меня на злодейство и отчаяние; вы причина моего бесчестья в этом мире и моей гибели в мире ином.

– Что вы говорите? Карл, смилуйтесь, не допустите, чтобы я умерла в этом чудовищном неведении! Какое роковое заблуждение вас ослепляет? Говорите же, говорите, сын мой: я уже не чувствую убивающей меня отравы. Что я вам сделала? В чем меня обвиняют?

И она окинула сына растерянным взглядом, в котором материнская любовь еще боролась с жестокой мыслью о матереубийстве; потом, видя, что Карл молчит, несмотря на все ее мольбы, она повторила с душераздирающим стоном:

– Говорите! Во имя неба, говорите же, пока я еще не умерла!

– Вы беременны, матушка!

– Я? – возопила Агнесса, и, казалось, этот пронзительный вопль раздирает ей грудь. – Боже, смилуйся над ним! Карл, твоя мать прощает и благословляет тебя, умирая.

Карл бросился ей на шею, отчаянным голосом взывая о помощи, теперь он был бы рад спасти ее ценой собственной жизни, но было уже поздно. Он испустил стон, который шел из самой глубины его души, и упал на труп матери. Так его и нашли.

Смерть герцогини Дураццо и исчезновение ее лекаря вызвали при дворе странные толки; но никто не подвергал сомнению мрачную скорбь, которая углубила морщины на лбу Карла, и прежде столь насупленном. Одна Екатерина поняла, как на самом деле ужасно горе ее племянника: ей было ясно, что герцог убил лекаря и отравил мать. Но она не ожидала, что человек, не отступающий ни перед каким преступлением, так внезапно и жестоко раскается. Она полагала, что Карл способен на все, кроме угрызений совести. В его лютой и самозабвенной скорби ей виделось дурное предзнаменование. Она хотела ввергнуть племянника в домашние неурядицы, чтобы ему было недосуг препятствовать браку ее сына с королевой; но она достигла большего, чем добивалась, и Карл, которого пагубный шаг привел на стезю преступления, оборвал все самые священные узы и с лихорадочным пылом, с ненасытной жаждой мести предался самым дурным страстям.

Тогда Екатерина попыталась пустить в ход почтительность и мягкость. Она дала понять сыну, что ему осталось единственное средство добиться руки королевы: льстить самолюбию Карла и, так сказать, ввериться его покровительству. Роберт Тарантский понял положение дел: он перестал оказывать знаки внимания Иоанне, которая принимала его усердие с доброжелательным безразличием, и принялся ходить по пятам за своим кузенком. Он оказывал Карлу почтение и внимание, какие тот оказывал Андрею в те времена,

когда задумал его погубить. Но герцог Дураццо не обманулся знаками дружбы и преданности, которые оказывал ему глава Тарантского дома: он притворился, будто весьма тронут этой нежданно ожившей приятнью, а сам зорко следил за хлопотами Роберта.

Расчеты обоих кузенов были опрокинуты событием, которого никто на свете не мог предвидеть. Однажды, когда оба они отправились на прогулку верхом, что вошло у них в обычай со времени их лицемерного примирения, Людовик Тарантский, самый младший брат Роберта, который всегда любил Иоанну рыцарственной и простодушной любовью, пряча ее, как сокровище, в глубине сердца, что так естественно для двадцатилетнего юноши, прекрасного, как день, – так вот, Людовик, который оставался в стороне от бесчестного заговора своих родных и не был запятнан кровью Андрея, поддался внезапному порыву страсти, явился к воротам Капельнуово, и, покуда его брат тратил драгоценные мгновения, добиваясь согласия на брак, он приказал поднять мост и грозно повелел солдатам никому не отворять. Далее, насколько не заботясь о ярости Карла и ревности Роберта, он ринулся в покои королевы и там, как утверждает Доменико Гравина, без лишних разговоров овладел королевой.

По возвращении с прогулки Роберт Тарантский удивился, почему перед ним немедленно не опускают мост; сперва он зычно окликнул солдат, охранявших крепость, и стал грозить им строгой карой за столь непростительную небреж-

ность; но поскольку ворота замка по-прежнему не отворялись, а в солдатах не заметно было ни страха, ни раскаяния, принца обуял страшный гнев, и он поклялся, что мерзавцы, не пускающие его домой, будут повешены, как собаки. Тем временем императрица Константинопольская, боясь, что между братьями вот-вот вспыхнет кровавая распря, одна, пешком, вышла навстречу сыну и, используя свою материнскую власть, попросила его умерить свое негодование в присутствии толпы, которая уже набежала поглазеть на столь странное зрелище, а затем, понизив голос, поведала ему, что случилось в его отсутствие.

Роберт взревел, как раненый тигр, и, ослепленный бешенством, чуть не растоптал мать копытами своего коня, который, словно разделяя гнев хозяина, яростно взвился на дыбы, и ноздри его покрылись кровавой пеной. Изрыгнув на голову брата все мыслимые проклятия, принц дернул поводья и галопом поскакал прочь от проклятого дворца прямо к герцогу Дураццо, с которым едва успел распротиться; он спешил донести о нанесенном оскорблении и потребовать возмездия.

Карл непринужденно беседовал со своей молодой женой, которая вовсе не приучена была к столь мирным беседам и столь доверительным излияниям; тут явился измученный, запыхавшийся, покрытый потом принц Тарантский со своим известием, в которое с трудом верилось. Карл заставил его дважды кряду повторить рассказ, настолько немислимой

ему казалась дерзкая затея Людовика. Затем, внезапно перейдя от сомнения к ярости и хлопнув себя по лбу рукой в железной перчатке, он вскричал, что королева, дескать, бросила ему вызов, но он заставит ее трепетать в стенах ее дворца и объятиях любовника; и, бросив тяжелый взгляд на Марию, которая со слезами молила за сестру, он крепко сжал руку Роберта и пообещал ему, что, покуда он жив, Людовику не быть мужем Иоанны.

В тот же вечер он заперся у себя в кабинете и отправил письма к Авиньонскому двору; последствия этих писем не замедлили сказаться. Бертрану де Бо, графу Монте-Скальозо, верховному юстициарию Королевства Сицилия, была направлена булла, помеченная 2 июня 1346 года, с приказом произвести тщательнейшее дознание об убийцах Андрея, коим папа объявлял анафему, и покарать их по всей строгости закона. Однако к этой булле была приложена секретная бумага, резко противоречащая намерениям Карла; в ней папа особо наказывал верховному юстициарию не привлекать к суду ни королеву, ни принцев крови, чтобы избежать великих потрясений; как высший князь церкви и сеньор королевства, папа намеревался со временем судить их сам, по своему разумению.

Бертран де Бо обставил этот ужасный суд с огромной пышностью. В большой зале суда был возведен помост, и все офицеры короны, все высшие сановники государства, все главные бароны королевства расселись позади загородки, за

которой помещались судьи. Через три дня после того, как в столице была обнародована булла Климента VI, верховный юстициарий уже успел приступить к публичному допросу двоих обвиняемых. Первыми виновниками, угодившими в руки правосудия, были, как можно себе представить, люди не слишком высокопоставленные, чья жизнь не представляла большой ценности, – Томмазо Паче и мессир Никколо ди Мелаццо. Они предстали перед судом, чтобы, как это было принято, подвергнуться предварительной пытке. Когда нотариуса вели на суд, он, проходя по улице мимо Карла, успел ему потихоньку сказать:

– Ваша светлость, для меня настало время расстаться ради вас с жизнью; я исполню свой долг; поручаю вам свою жену и детей.

И, ободренный кивком своего покровителя, он пошел далее твердой поступью и с непринужденным видом. Верховный юстициарий, удостоверив личность обвиняемых, вверил их палачу и его подручным, чтобы те подвергли их пытке на площади, что должно было послужить зрелищем и назиданием толпе. Но один из обвиняемых, Томмазо Паче, не успели его связать, объявил, к великому разочарованию толпы, что готов во всем сознаться, и попросил, чтобы его немедленно отвели к судьям. При этих словах граф Терлицци, который в смертельной тревоге следил за каждым движением обвиняемых, решил, что он погиб, а вместе с ним все сообщники, и в тот миг, когда Томмазо Паче со связанными за спиной

руками в сопровождении двух стражников шел впереди нотариуса в залу суда, граф, пользуясь своей властью, крепко сдавил ему горло, тот высунул язык, и он отхватил ему язык бритвой.

Вопли несчастного, который был так нещадно изувечен, достигли слуха герцога Дураццо; он проник в комнату, где свершился этот варварский поступок, в тот миг, когда оттуда выходил граф Терлицци, и приблизился к нотариусу, который присутствовал при этом жестоком зрелище, не обнаруживая ни малейшего признака страха или беспокойства. Мессир Никколо ди Мелаццо, полагая, что ему уготована та же участь, бестрепетно повернулся к герцогу и сказал ему с печальной улыбкой:

– Ваша светлость, предосторожности были бы излишни: вам незачем отрезать мне язык, как отрезал высокородный граф моему товарищу по несчастью. Меня скорее разорвут на куски, чем из уст моих вырвется хоть единое слово; я вам это обещал, и порукой моего слова служат жизнь моей жены и будущее детей.

– Я прошу не о молчании, – угрюмо ответил герцог, – напротив, своими разоблачениями ты можешь избавить меня разом от всех врагов, и я приказываю тебе донести о них суду.

Нотариус понурился в горестном смирении; потом, с внезапным страхом подняв голову, он шагнул к герцогу и сдавленным голосом прошептал:

– А королева?

– Если ты осмелишься на нее донести, тебе не поверят; но если на нее дружно покажут, не вынеся пытки, те, на кого ты донесешь, – Катанийка и ее сын, граф Терлицци и его жена, самые близкие к ней люди...

– Понимаю, ваша светлость: вам нужна не только моя жизнь, но и моя душа. Что ж, повторяю: я поручаю вам моих детей.

И с глубоким вздохом он пошел в залу, где заседал суд. Верховный юстициарий обратился к Томмазо Паче; когда же несчастный с отчаянным видом раззявил окровавленный рот, собрание содрогнулось от ужаса. Но изумление и страх достигли предела, когда мессир Никколо ди Мелаццо медленным, твердым голосом назвал одного за другим всех убийц Андрея, кроме королевы и принцев крови, и во всех подробностях поведал об убийстве принца.

Верховный сенешаль Роберт Кабанский, а также графы Терлицци и Морконе, которые находились в зале и не смели сделать ни единого движения в свою защиту, тут же были арестованы. Через час в тюрьму были препровождены также Филиппа, две ее дочери и донна Конча, напрасно молившие королеву о защите. Что до Карла и Бертрана д'Артуа, они укрылись в своей крепости в Санта-Агате и бросили вызов правосудию; а другие заговорщики, в числе которых находились граф Милето и граф Катандзаро, были вынуждены бежать.

Как только мессир Никколо объявил, что более ему не в чем признаваться, что он рассказал суду всю правду и чистую правду, верховный юстициарий среди гробовой тишины произнес приговор; а затем, без промедления, Томмазо Паче и нотариуса привязали к хвостам коней, которые проволокли их по главным улицам города, и, наконец, обоих преступников повесили на рыночной площади.

Других арестованных бросили в глубокое подземелье, дабы на следующий день подвергнуть их допросу и пытке; вечером, очутившись вместе в каменном мешке, они стали осыпать друг друга упреками: каждый уверял, что в преступление его вовлекли другие, но тут донна Конча, чей причудливый нрав не изменился даже перед пыткой и смертью, заглушила жалобы своих сотоварищей взрывом смеха и весело воскликнула:

– Полно, дети мои, к чему столь горькие упреки и столь неучтивые взаимные обвинения! Оправдания нам нет, все мы одинаково виноваты. Что до меня, то я, которая моложе вас всех и, с позволения дам, недурна собой, если меня приговорят, умру убогатая, потому что не отказывала себе в этом мире ни в единой радости; и могу похвастать, что мне многое простится, ибо я много возлюбила, – уж вам-то об этом кое-что известно, господа. А ты, старый злыдень, – продолжала она, обратясь к графу Терлицци, – не помнишь разве, как переспал со мной в передней королевы? Ну, не красней перед своим высокородным семейством; по-

кайтесь, сударь, вы же знаете, что я беременна от вашего сие-тельства; вы знаете, каким образом мы уличили в беременности бедняжку Агнессу Дураццо, Господь упокой ее душу! Не думала я, что шутка выйдет нам боком, да так скоро; вы все об этом знаете да и о многом другом тоже; хватит вам жаловаться – это уже становится невыносимо скучно, и давайте лучше подготовимся умереть так же весело, как пожили.

С этими словами юная статс-дама легонько зевнула, опустила на солому и крепко заснула, и сны ей снились самые что ни на есть приятные.

На другой день, едва рассвело, берег моря заполонила огромная толпа. За ночь был выстроен громадный частокол, который должен был удерживать народ на таком расстоянии, чтобы люди видели осужденных, но не слышали их голосов. Близ ограды во главе блестящего кортежа рыцарей и пажей верхом на великолепном скакуне гарцевал Карл Дураццо, весь в черном в знак траура. Когда осужденные со связанными руками по двое проходили сквозь толпу, его лицо озарила свирепая радость, поскольку герцог ждал, что с их губ с минуты на минуту сорвется имя королевы. Но верховный юстициарий, человек ловкий и находчивый, предупредил любую нескромность такого рода, прицепив к языку каждого из осужденных рыболовный крючок. Несчастных подвергли пытке на мачте одной из галер, и никто не услышал ни слова из ужасных признаний, которые исторгла у них боль.

Между тем Иоанна, несмотря на то что большая часть

ее сообщников так перед ней провинилась, вновь поддалась чувству жалости к женщине, которую почитала как родную мать, к подругам детства, к приятельницам, а может быть, в ней шевельнулись и остатки любви к Роберту Кабанскому; она отпустила двух гонцов, дабы умолить Бертрана де Бо пощадить преступников; но верховный юстициарий схватил посланцев королевы и подверг их пытке; а поскольку они сознались в том, что также участвовали в убийстве Андрея, он приговорил их к той же казни, что и остальных. Одна донна Конча, ввиду беременности, избежала допроса с пристрастием, и приговор ей был отсрочен до времени родов.

И вот на обратном пути в тюрьму, посылая улыбки самым красивым кавалерам, каких замечала в толпе, пригожая статс-дама прошла мимо Карла Дураццо и подала ему знак приблизиться; поскольку в силу той же привилегии в язык ее не была воткнута проволока, она, понизив голос, что-то ему сообщила.

Карл страшно побледнел и, схватясь за меч, воскликнул:

– Мерзавка!

– Вы забываете, ваша светлость, что я нахожусь под защитой закона.

– О матушка! Бедная матушка! – сдавленным голосом пробормотал Карл и упал навзничь.

На следующее утро народ, поднявшийся раньше палачей, стал требовать жертвы. Все отечественные и наемные войска, какими только располагали судебные власти, выстрои-

лись на улицах, сдерживая напор толпы. В людях пробудилась ненасытная жестокость, которая столь часто позорит человеческую натуру, ненависть, жажда крови и мщения кружили всем головы; сбившиеся в кучки мужчины и женщины ревели, словно дикие звери, и угрожали сокрушить стены тюрьмы, если им не позволят проводить приговоренных к месту казни, ровный, несмолкаемый гул вскоре перешел в громовые раскаты и заставил сердце королевы сжаться от ужаса.

Как ни старался Бертран де Бо, граф Монте-Скальозо, поскорее убогатворить народ, приготовления к торжественной экзекуции были закончены лишь к полудню, в час, когда солнце уже залило жгучими лучами весь город. Едва по толпе пробежала весть о том, что преступников вот-вот выведут, как раздался тысячеголосый крик, тут же сменившийся мгновением тишины, в которой слышался скрежет ржавых петель: ворота тюрьмы стали медленно отворяться. Сначала тремя шеренгами из них выехали всадники с опущенными забралами и копьями наперевес, за ними под крики и проклятия толпы показались тележки: к каждой был привязан обнаженный до пояса преступник, рядом с каждой шли два палача, которым было поручено пытать осужденного на всем протяжении пути. На первой тележке везли бывшую прачку из Катании, ставшую супругой великого сенешаля и воспитательницей королевы, госпожу Филиппу Кабанскую; два палача, державшиеся чуть позади, слева и справа, биче-

вали ее с такой яростью, что за тележкой тянулся длинный кровавый след.

Далее следовали тележки с ее дочерьми, графинями Терлицци и Морконе, старшей из которых было всего девятнадцать лет. Сестры были столь хороши собою, что по толпе зрителей пролетел шепоток восхищения; жадными взглядами они пожирали обнаженные и дрожащие тела девушек. Но их роскошные и прельстительные формы заставляли палачей лишь свирепо ухмыляться: с помощью бритв они со сладострастной медлительностью отрезали кусочки этой восхитительной плоти и бросали в толпу, которая алчно набрасывалась на них, а потом указывала палачам наиболее предпочтительные места на телах несчастных жертв.

Роберта Кабанского, великого сенешаля королевства, графов Терлицци и Морконе, Раймондо Паче, брата камердинера, казненного два дня назад, равно как и остальных приговоренных, также везли на тележках, пытая плетью и бритвами; кроме того, палачи раскаленными клещами рвали их тела и бросали куски мяса на дымящиеся жаровни. На протяжении всего пути великий сенешаль ни разу не вскрикнул от боли, ни разу не шелохнулся под плетью или клещами, хотя палачи его действовали с таким усердием, что бедняга умер еще до прибытия на место казни.

На площади Сант-Элиджо был разведен громадный костер – сюда привезли осужденных и стали бросать в огонь останки изуродованных тел. Граф Терлицци и вдова вели-

кого сенешаля были еще живы; из глаз несчастной матери покатались кровавые слезы, когда она увидела, как летят в огонь труп ее сына и изуродованные, трепещущие тела обеих дочерей, стоны которых указывали на то, что в них еще теплились остатки жизни. Внезапно, заглушая хрипы жертв, толпа загудела, опрокинула ограждение, и самые неистовые с саблями, топорами и ножами в руках бросились к костру и, вытащив из пламени тела мертвых и еще живых осужденных, принялись кромсать их на куски, чтобы добраться до костей и на память об этом страшном дне сделать себе из них свистульки или рукоятки кинжалов.

Даже эта ужасная казнь не удовлетворила мстительного Карла Дураццо. При споспешестве верховного юстициария он каждый день учинял новые и новые казни, и вскоре гибель Андрея превратилась в предлог для официальной расправы со всеми, кто противился его намерениям. Однако Людовик Тарантский, уже завладевший душою Иоанны и стремившийся как можно скорее узаконить свой брак, теперь стал рассматривать как личное оскорбление все решения верховного суда, которые принимались вопреки его воле и представляли собою явное попрание прав королевы; поэтому, вооружив своих приспешников и увеличив их число за счет всяческих пройдох, каких только ему удалось подкупить, он сколотил отряд, достаточно сильный, чтобы защищать свои интересы и препятствовать действиям кузена. Неаполь, таким образом, оказался разделенным на два враждующих ла-

геря: по самому ничтожному поводу противники сразу хватались за оружие, и ежедневные стычки заканчивались, как правило, грабежом и убийствами.

Однако, чтобы платить наемникам и поддерживать непрерывающуюся борьбу с герцогом Дураццо и собственным братом Робертом, Людовику Тарантскому требовалось много денег, и в один прекрасный день он обнаружил, что сундуки королевы пусты. Иоанна впала в мрачное отчаяние, любовник старался утешить ее как мог, хотя при всей своей отваге и благородстве сам не знал, как ему удастся выбраться из этого сложного положения. Но тут его мать Екатерина, чье честолюбие ласкала мысль о том, что ее сын, неважно который, может оказаться на неаполитанском троне, неожиданно пришла к ним на помощь и торжественно заявила, что не пройдет и несколько дней, как она положит к ногам племянницы такие сокровища, о каких та, хоть она и королева, не могла даже мечтать.

Забрав у сына половину войска, Екатерина дошла до Санта-Агаты и осадила крепость, в которой скрывались от преследования властей Карл и Бертран д'Артуа. Старый граф, удивленный появлением женщины, которая была душой заговора, и не понимая смысла предпринятого ею враждебного шага, направил к ней гонцов, и те от его имени осведомились о цели вооруженного выступления. На этот вопрос Екатерина ответила буквально следующее:

– Дорогие мои, передайте от меня Карлу, нашему верно-

му другу, что мы желаем побеседовать с ним один на один о деле, интересующем нас обоих, и пусть появление наших войск его не тревожит, поскольку это сделано нами с целью, каковая будет открыта ему в ходе беседы. Нам известно, что подагра приковала его к постели, поэтому мы не удивляемся, что он не встречает нас самолично. Итак, благоволите приветствовать его от нашего имени и успокоить, а также передайте, что мы хотели бы с его позволения войти в замок вместе с мессиром Никколо Аччаджуоли, нашим личным советником, и десятью солдатами, чтобы переговорить о деле первостепенной важности, которое мы не можем доверить его посланцам.

После столь откровенных и дружеских объяснений Карл д'Артуа оправился от удивления и выслал к императрице сына Бертрана, чтобы тот встретил ее со всеми почестями, подобающими особе, столь высокородной и занимающей столь значительное положение при Неаполитанском дворе. С выражениями чистосердечной радости Екатерина вошла в замок, справилась у графа о его здоровье и, выразив ему свою сердечную дружбу, осталась с ним один на один, после чего таинственным шепотом объяснила, что цель ее визита – посоветоваться со столь умудренным опытом и летами человеком о делах в Неаполе и попросить его оказать поддержку королеве; однако поскольку она может пребыть в Санта-Агате сколь угодно долго, то почитает за лучшее дожидаться выздоровления графа, а потом уже ввести его в курс событий,

происшедших после того, как он удалился от двора, и воспользоваться его просвещенными советами. В конце концов Екатерина завоевала доверие старика и так ловко усыпила его подозрения, что тот попросил оказать ему честь и оставаться в замке так долго, насколько позволят дела; все войско, таким образом, постепенно оказалось в стенах замка. Только этого Екатерине и было надо; в день, когда последний из ее солдат обосновался в Санта-Агате, она вместе с четырьмя солдатами ворвалась в спальню графа и, схватив его за горло, гневно воскликнула:

– Подлый предатель! Мы не выпустим тебя из рук, пока ты не понесешь заслуженную кару. А теперь показывай, где ты прячешь свои сокровища, ежели не хочешь, чтобы мы бросили твой труп на растерзание воронам, сидящим на донжонах твоей крепости.

Задышающийся граф, к груди которого был приставлен кинжал, не смог даже позвать на помощь; упав на колени, он стал умолять императрицу пощадить хотя бы его сына, который не оправился еще от черной меланхолии, помутившей его рассудок после ужасной катастрофы, а затем, с трудом дотаскившись до каморки с сокровищами, граф указал на них пальцем, всхлипывая и повторяя:

– Берите все, и мою жизнь в придачу, только пощадите сына!

Екатерина была вне себя от радости, увидев у своих ног изысканнейшие и драгоценнейшие вазы, ларцы с редкими

жемчугами, алмазами и рубинами, сундуки, полные золотых слитков, и прочие азиатские чудеса, которые не в силах представить себе даже самое богатое воображение. Старик дрожащим голосом продолжал умолять, чтобы взамен этих драгоценностей и его жизни сын был оставлен на свободе, но императрица с ледяной безжалостностью ответила:

– Я уже приказала привести вашего сына сюда, однако приготовьтесь распрощаться с ним навеки, так как он будет отправлен в крепость Мельфи, а вы, по всей вероятности, окончите свои дни здесь, в Санта-Агате.

Бедняга граф так страдал от насильственной разлуки, что через несколько дней его нашли в темнице мертвым – с кровавой пеной на губах и искусанными от бессильной ярости руками. Бертран пережил отца ненадолго. При известии о смерти родителя умопомешательство его усугубилось, и он повесился на решетке окна в своей камере. Так убийцы Андрея умерщвляли друг друга, словно кровожадные звери, запертые в одной клетке.

Забрав столь честно добытые сокровища, Екатерина Тарантская, гордая победой, вернулась в Неаполь и принялась вынашивать обширные планы. Но в ее отсутствие на двор обрушились новые беды. Карл Дураццо, в очередной раз потребовав у королевы титул герцога Калабрийского, который искони принадлежал наследнику престола, и приведенный в ярость ее отказом, написал Людовику Венгерскому послание, в котором предлагал тому захватить Неаполитанское ко-

ролевство, обещал помочь всеми имеющимися в его распоряжении войсками и выдать главных виновников убийства его брата, которым до сих пор удавалось ускользнуть из рук правосудия.

Король Венгрии охотно откликнулся на это предложение и стал готовить войска для похода на Неаполь и мести за брата. Слезы его матери Елизаветы и советы брата Роберта, бывшего воспитателя Андрея, который жил теперь в Буде, только утвердили Людовика в его намерении отомстить. Он обратился в авиньонскую курию с горькой жалобой на то, что в Неаполе покарали лишь второстепенных пособников убийства, а главная зачинщица, до сих пор пребывая в возмутительной безнаказанности, запятнанная кровью собственного мужа, продолжает предаваться беспутству и разврату. На это папа рассудительно ответил, что лично он всегда дает ход законным жалобам, однако любое обвинение должно быть ясно сформулировано и подкреплено доказательствами; разумеется, поведение Иоанны во время и после убийства мужа достойно всяческого порицания, но его величеству следует принять во внимание, что римская церковь, которая прежде всего стремится к истине и справедливости, всегда действует с крайней осмотрительностью и что в столь серьезном деле поверхностные суждения неуместны.

Со своей стороны, Иоанна, напуганная приготовлениями к войне, направила во Флорентийскую республику послов с целью снять с себя подозрения в злодействе, приписываемом

ей молвою, и даже обратилась с извинениями к Венгерскому двору, на которые получила от брата Андрея весьма краткую отповедь:

«Вся твоя распутная жизнь, неограниченная власть, захваченная тобою в королевстве, твое нежелание отомстить убийцам мужа, твое вторичное замужество и даже эти извинения с достаточной убедительностью доказывают, что ты — одна из виновниц гибели собственного супруга».

Нисколько не обескураженная угрозами Людовика Венгерского, Екатерина острым и хладнокровным взглядом, который ей никогда не изменял, оценила положение сына и королевы и поняла, что единственное спасение — это союз с их заклятым врагом Карлом, возможный при условии, что все его требования будут удовлетворены. Одно из двух: или он поможет им отразить нападение короля Венгрии, а потом, когда с непосредственной угрозой будет покончено, они посчитаются, или же он потерпит поражение, и тогда им принесет удовлетворение сама мысль, что, низвергаясь в пропасть, они утянули за собой и его.

Соглашение было заключено в саду Капельнуово, куда Карл явился по приглашению королевы и своей тетки. Иоанна согласилась пожаловать кузену долгожданный титул герцога Калабрийского, а Карл, решив, что отныне он наследник престола, пообещал незамедлительно двинуть войска на

Л'Аквилу, где уже было поднято венгерское знамя. Несчастный не предполагал, что идет навстречу собственной гибели.

Глядя, как этот самый ненавистный ей человек радостно удаляется, императрица Константинопольская мрачно проводила его глазами, угадывая женским чутьем, что с ним приключится беда, однако через несколько дней она скоропостижно скончалась от неизвестного недуга без стонов и угрызений совести – можно подумать, что Екатерина была уже по горло пресыщена изменами и местью.

Тем временем венгерский король с грозной армией пересек Италию и вступил в королевство со стороны Апулии; во время похода его повсюду встречали с любопытством и сочувствием, а владельцы Вероны Альберто и Мартино дель Скала в знак поддержки прислали ему три сотни всадников. Весть о приближении венгров повергла Неаполитанский двор в неопишное смятение. Одно время появилась надежда, что короля остановит папский легат, который прибыл в Фолиньо и именем папы и под страхом отлучения от церкви запретил Людовику двигаться дальше без согласия святейшего престола, однако король ответил легату Климента, что, лишь взяв Неаполь, он будет считать себя вассалом церкви, а пока отчитывается лишь перед Господом да собственной совестью. И вот армия мстителей молниеносно оказалась в самом сердце королевства, где еще и не помышляли о серьезной обороне. Выход оставался один: собрав наиболее преданных ей баронов, королева заставила их поклясть-

ся на верность Людовику Тарантскому, которого представила как своего супруга, и, со слезами распростившись с любимейшими из подданных, тайком, среди ночи взошла на борт провансальской галеры и отплыла в Марсель. Людовик Тарантский, как истый рыцарь без страха и упрека, выехал из Неаполя во главе трех тысяч всадников и значительного числа пехотинцев и расположился лагерем на берегах Вольтурно, чтобы дать отпор неприятелю, однако венгерский король предвидел и этот маневр, и, пока противник ждал его в Капуе, он, перейдя через горы в районе Алифе и Морконе, оказался в Беневенто, где в тот же день принял неаполитанских послов, которые, в цветистых выражениях поздравив его с удачным походом, вручили ему ключи от города и обещали повиновение как законному наследнику Карла Анжуйского. Весть о сдаче Неаполя быстро долетела до лагеря королевы, и все принцы крови, а также военачальники бросили Людовика Тарантского и вернулись в столицу. Сопrotивляться дальше было бессмысленно; Людовик вместе со своим ближайшим советником Никколо Аччаджуоли отправился в Неаполь в тот же вечер, когда его родственники сдались врагу. С каждым часом надежды на спасение оставалось все меньше; братья и кузены принялись умолять Людовика как можно скорее покинуть город, чтобы не навлекать на него гнев короля, однако в гавани не оказалось ни одного судна, готового сразу же выйти в море. Принцы были вне себя от ужаса, когда Людовик, доверившись своей звезде, вместе с

отважным Аччаджуоли сел в полуразломанную лодку и, велев четверым матросам грести что есть мочи, через несколько минут скрылся из виду. Семейство его пребывало в растерянности до тех пор, пока не узнало, что он добрался до Пизы, откуда отбыл к королеве в Прованс.

Карл Дураццо и Роберт Тарантский, старшие представители двух ветвей королевского рода, спешно посоветовавшись, решили смягчить венгерского монарха безоговорочной капитуляцией и, оставив в Неаполе младших братьев, не мешкая направились в Аверсу, где обосновался король. Людовик принял их весьма благосклонно и поинтересовался, почему с ними нет их братьев, на что оба принца ответили, что те остались в Неаполе, чтобы подготовить встречу, достойную его королевского величества. Людовик поблагодарил их за добрые намерения, однако попросил пригласить младших братьев, поскольку ему будет неизмеримо приятнее вступить в Неаполь в окружении всего семейства, да и вообще не терпится обнять своих кузенов. Карл и Роберт, повинуясь королевской воле, немедленно отправили своих оруженосцев пригласить братьев в Аверсу, однако самый старший из них, Людовик Дураццо, со слезами на глазах стал умолять остальных не исполнять эту просьбу, а сам заявил посланцам, что из-за нестерпимой головной боли не может покинуть Неаполь. Столь ребяческое извинение, естественно, раздражило короля, и в тот же день он строго-настрого велел несчастным детям без промедления явиться к нему. Когда они прибыли,

Людовик Великий расцеловал их одного за другим, принялся ласково расспрашивать, оставил отужинать вместе с ним и отпустил лишь далеко за полночь.

Когда герцог Дураццо удалился в отведенную ему опочивальню, Лелло де Л'Аквила и граф Фонди тайком пробрались к его постели и, убедившись, что их никто не подслушивает, предупредили: утром на совете король решил его убить, а других принцев лишить свободы. Карл с недоверчивым видом молча выслушал их и, подозревая предательство, сухо ответил, что не ставит под сомнение честность своего кузена и не может поверить поэтому столь низкой клевете. Клянясь всем, что у него есть самого дорогого, Лелло умолял его послушать их совета, но раздраженный герцог сухо велел им покинуть спальню.

На следующий день – такое же, как накануне, отношение со стороны короля, те же расточаемые детям ласки, то же приглашение отужинать. Пиршество было выше всяческих похвал: потоки света заливали залу и отражались в стоявших на столах золотых вазах, цветы струили свои пьянящие ароматы, вино расплавленным рубином лилось из амфор и кипело в кубках, повсюду слышались горячие, чуть бессвязные речи, лица присутствующих порозовели от возбуждения.

Карл Дураццо ужинал, сидя вместе с братьями за отдельным столом напротив короля. Взгляд его понемногу становился отсутствующим, выражение лица – задумчивым. Он размышлял о том, что в этой самой зале накануне своей тра-

гической гибели пировал Андрей и что одни из тех, кто повинен в его смерти, скончались от пыток, другие чахли в тюрьме, королева находится в изгнании и живет милостью чужих людей, и только он пока на свободе. Эта мысль заставила его содрогнуться. Он внутренне поздравил себя с невероятной ловкостью, с какою ему удавалось плести свои адские козни, и, отбросив печаль, улыбнулся с выражением неопикуемой гордости на лице. В эту секунду безумец смеялся над правосудием Божиим. Но Лелло де Л'Аквила, прислуживавший принцу за столом, наклонился и повторил грустным шепотом:

– Несчастный герцог, почему вы отказываетесь мне поверить? Бегите, пока не поздно.

Карл, раздосадованный упрямством этого человека, пригрозил, что еще слово, и он расскажет все королю.

– Я лишь выполняю свой долг, – опустил голову, прошептал Лелло. – Пусть будет так, как угодно Господу.

Едва он договорил, как король встал и, когда герцог подошел к нему, чтобы откланяться, вскричал страшным голосом:

– Предатель! Наконец-то ты у меня в руках, тебя ждет заслуженная смерть, но прежде, чем ты будешь отдан палачам, признайся сам во всех своих преступлениях против короля, и тогда у нас не будет нужды прибегать к показаниям других свидетелей, чтобы определить меру наказания, соответствующую твоим преступлениям. А теперь к делу, герцог

Дураццо. Прежде всего, скажи: зачем посредством бесчестных козней и с помощью своего дяди кардинала Перигорского ты препятствовал коронации моего брата, вследствие чего он был лишен королевской власти и столь печально окончил свои дни? О, не пытайся ничего отрицать. Вот письмо, скрепленное твоей печатью, – ты писал его втайне, но оно обвиняет тебя при всем народе. Почему, позвав нас сюда отомстить за смерть брата, которая, без сомнения, тоже была делом твоих рук, когда ты вдруг переметнулся на сторону королевы, – почему ты напал на наш город Л'Аквилу, осмелился напустить солдат на наших верных подданных? Ты надеялся, предатель, воспользоваться нами как ступенькой к трону, избавившись с нашей помощью от всех соперников. Ты надеялся дожждаться нашего ухода, убить оставленного нами наместника и завладеть таким образом королевством. Но на этот раз твой дар предвидения тебе отказал. Однако ты совершил еще одно преступление, которое тяжестью своей превосходит все остальные, – ты совершил государственную измену, и я покараю тебя за это без всякой жалости. Ты похитил женщину, которую дед наш Роберт предназначил нам в супруги – его завещание тебе известно. Отвечай, несчастный: можешь ли ты оправдаться в похищении принцессы Марии?

Голос Людовика так изменился от ярости, что последние слова походили более на рев дикого зверя; глаза короля лихорадочно блестели, побелевшие губы дрожали. Охваченные смертельным ужасом Карл с братьями упали на колени; бед-

няга герцог дважды пытался что-то сказать, но зубы его стучали с такой силой, что он не сумел вымолвить ни слова. Наконец он огляделся вокруг и, увидев своих ни в чем не повинных братьев, которые должны были по его вине погибнуть, обратился к королю:

– Ваше величество, вы смотрите на меня с таким ужасным выражением, что я содрогаюсь. На коленях умоляю вас: если я совершил ошибку, сжальтесь – ведь Бог свидетель, я позвал вас в королевство без каких бы то ни было дурных намерений, я всегда, всею душой желал и желаю вашего владычества. А теперь, я в этом уверен, коварные советчики навлекли на меня вашу ненависть. Вы говорите, что я привел войска в Л'Аквилу, – это так, но меня вынудила к этому королева Иоанна – ведь, узнав, что вы прибыли в Фермо, я тотчас же отвел армию назад. Да поможет Иисус вернуть мне вашу благосклонность – хотя бы ради моих прошлых заслуг и непоколебимой верности. Но вы раздражены, и поэтому я умолкаю и надеюсь, что гнев ваш минует. Умоляю еще раз, имейте сострадание к нам, ведь мы всецело в руках у вашего величества.

Король повернулся и медленно вышел, оставив пленников на попечение воеводы Иштвана и графа Зомика, которым предстояло сторожить их ночью в комнате, примыкающей к королевским покоям. На следующий день Людовик, еще раз выслушав мнение совета, приказал задушить Карла Дураццо на том же месте, где был повешен Андрей, а осталь-

ных принцев крови заковать в цепи, отправить в Венгрию и в течение длительного срока держать там под стражей. Карл, с помутившимся от неожиданной беды разумом, раздавленный воспоминаниями о собственных преступлениях, трусливо дрожащий перед лицом смерти, был полностью уничтожен. Закрыв лицо руками, он стоял на коленях и, судорожно всхлипывая, пытался остановить мысли, которые кружились у него в голове, словно какой-то чудовищный сон. На душу его опустилась ночь, которую ежесекундно пронизывали вспышки молний, из глубин его помраченного сознания выплывали светлые лица, насмешливо улыбались и вновь пропадали. Затем в ушах герцога зазвучали голоса с того света, и он увидел перед собою длинную вереницу призраков – как в ту ночь, когда Никколо ди Мелаццо показал ему заговорщиков, исчезающих в подземельях Кастельнуово. Однако на этот раз одни из призраков держали свои головы за волосы и стряхивали с них кровь прямо на Карла, другие размахивали бичами и потрясали бритвами, угрожая ему орудиями своей казни. В ужасе от этого адского шабаша несчастный хотел закричать что есть мочи, но дыхание у Карла перехватило, и крик замер у него на губах. Тут он увидел свою мать, которая издали протягивала к нему руки; в помутненном сознании мелькнула мысль, что если он доберется до нее, то будет спасен. Ему казалось, будто он стремится к ней по коридору, но с каждым шагом тот становится все тесней и тесней, вот каменные стены уже обдирают ему кожу; еще немного, и он,

весь в крови, обнаженный и задыхающийся, достигнет своей цели, но мать опять удалялась, и все начиналось сызнова. Позади бежали ухмыляющиеся призраки и ревели ему в ухо:

– Да будет проклят негодяй, убивший свою мать!

От этих чудовищных видений Карла отвлек плач младших братьев, которых привели проститься с ним перед отправкой на галере к месту заточения. Глухим голосом герцог попросил у них прощения, и отчаяние охватило его с новой силой. Дети ползали по земле и истошно вопили, умоляя позволить им разделить участь брата, желая себе смерти как избавления от страданий. Наконец их удалось увести, но жалобные детские голоса еще долго звучали в ушах осужденного. В конце концов наступила тишина, но через несколько минут двое солдат и двое конюхов-венгров, войдя в комнату, объявили герцогу Дураццо, что настал и его час.

Не оказывая ни малейшего сопротивления, Карл последовал за ними на балкон, где был повешен Андрей. Там у него спросили, не желает ли он исповедаться. Герцог ответил утвердительно, и к нему привели монаха из того самого монастыря, где он теперь ожидал казни. Монах выслушал исповедь герцога и отпустил ему грехи. Затем Карла подвели к месту, где Андрея в свое время сбили с ног и затащили ему на шею петлю; герцог встал на колени и спросил у палачей:

– Друзья, умоляю вас, скажите: неужели у меня нет никакой надежды?

Услышав отрицательный ответ, Карл вскричал:

– Тогда делайте, что вам приказано!

В тот же миг один из конюхов вонзил в грудь Карлу меч, а другой кинжалом перерезал ему горло, и труп герцога был сброшен с балкона в сад, где убитый Андрей пролежал трое суток, прежде чем его тело предали земле.

После этого венгерский король под погребальным стягом направился в Неаполь; он отказался от почестей, отослал назад балдахин, под которым он должен был вступить в столицу, по пути ни разу не остановился, чтобы принять выборных от города, и не отвечал на приветственные возгласы толпы. В полном вооружении он направился прямо к Кастельнуово, оставляя позади себя горе и страх. Въехав в столицу, он прежде всего повелел немедленно сжечь донну Кончу, чья казнь, как нам известно, была отложена из-за ее беременности. Как и прочих, женщину провезли на тележке до площади Сант-Элиджо и там бросили в костер. Молоденькая статс-дама, чью красоту не заставили поблекнуть даже страдания, была разряжена как на праздник, до последней секунды издевалась над палачами и посылала толпе воздушные поцелуи.

Через несколько дней король приказал арестовать Годфруа де Марсана, графа Скиллаче, генерал-адмирала королевства, и пообещал сохранить ему жизнь, если тот выдаст своего родича Коррадо Катандзаро, также обвиненного в участии в заговоре против Андрея. Генерал-адмирал, решив купить себе жизнь ценою бесчестного предательства, без ка-

ких бы то ни было угрызений совести послал своего сына, чтобы тот пригласил Коррадо вернуться в город. Несчастливого доставили к королю, который тут же велел его колесовать на колесе, утыканном бритвами. Но вместо того, чтобы успокоить гнев короля, эти зверства, казалось, ожесточили его еще сильнее. Каждый день поступали новые доносы, за которыми следовали новые казни. Тюрмы уже не могли вместить всех заключенных, а Людовик все свирепствовал; начало создаваться впечатление, что он считает весь город, все королевство, а значит, и весь народ виновными в гибели Андрея. Столь варварское правление стало вызывать ропот, и взоры неаполитанцев обратились к изгнанной королеве. Бароны с большою неохотой присягали королю на верность; когда же дошла очередь до графов Сан-Северино, то, опасаясь какой-нибудь ловушки, они отказались немедленно предстать перед королем и, укрепившись в городе Салерно, выслали вперед своего брата архиепископа Руджеро, чтобы тот выяснил намерения короля относительно их семейства. Однако Людовик оказал тому великолепный прием и назначил своим личным советником и протонотарием королевства. Но и тогда лишь Роберто ди Сан-Северино и Руджеро, граф Кьярамонте, отважились предстать перед королем и, признав себя его вассалами, вернулись в свои земли. Другие бароны проявили такую же сдержанность и, пряча недовольство под внешней почтительностью, стали дожидаться благоприятного момента, чтобы сбросить чужеземное иго.

Бежав из Неаполя, королева через пять дней плавания беспрепятственно достигла Ниццы. Ее шествие по Провансу вылилось в подлинный триумф. Красота и молодость женщины, ее несчастья и даже таинственные слухи относительно будущего королевы – все вызывало интерес у населения Прованса. Чтобы смягчить изгнаннице горечь жизни на чужбине, для нее устраивали всяческие игры и празднества, однако среди выражений всеобщей радости Иоанна, снедаемая вечной печалью, везде предавалась немому горю и мрачным воспоминаниям – в деревнях, замках, городах.

Встречавшие ее у ворот Экса духовенство, дворяне и городские власти отнеслись к ней с почтением, но без особого восторга. Она ехала по городу, и удивление ее становилось все сильнее: народ приветствовал ее довольно равнодушно, сопровождавшие вельможи были угрюмы и немногословны. В голове у нее зароились тревожные мысли, она начала опасаться какой-либо интриги со стороны венгерского короля. Когда кортеж добрался до Шато-Арно, дворяне, став шпалерами, пропустили королеву, ее советника Спинелли и двух камеристок в замок, а затем сомкнули ряды и отрезали Иоанну от остальной свиты. После этого дворяне стали по очереди дежурить у ворот замка.

Теперь сомнений уже не оставалось: королеву взяли в плен, но причин этого странного шага она доискаться не могла. На ее расспросы все сановники лишь заявляли о своей преданности и почтении, но отказывались объяснить до

получения вестей из Авиньона. Иоанне продолжали оказывать королевские почести, однако держали ее под наблюдением и не позволяли выходить из замка. Такое противоречивое отношение лишь усугубило ее печаль; не зная, что стало с Людовиком Тарантским, она рисовала в своем воображении картины несчастий и твердила себе, что вскоре ее ждет гибель.

Людовик же Тарантский, сопровождаемый верным Аччаджуоли, после многотрудного плавания высадился наконец в Пизе, откуда направился во Флоренцию в надежде добыть там людей и денег, однако флорентийцы, решив сохранять полный нейтралитет, отказались впустить его в город. Расставшись с последней надеждой, принц стал лелеять мрачные замыслы, но Никколо Аччаджуоли решительно заявил:

– Ваша светлость, людям не дано постоянно наслаждаться благополучием: бывают беды, предвидеть которые человек не в силах. Вы были богаты и могущественны, теперь же вы беглец, который просит помощи у чужих людей. Вы должны поберечь себя для лучших дней. У меня осталось значительное состояние, есть родственники и друзья, чье богатство в моем распоряжении; так давайте попытаемся добраться до королевы, а уж там решим, что делать дальше. Я же всегда буду защищать вас и повиноваться вам как своему хозяину и сеньору.

Принц выразил живейшую благодарность за столь благородное предложение и заявил, что вручает свою жизнь

и будущее в руки советника. Аччаджуоли, выказав таким образом свою преданность, склонил вдобавок своего брата Анджело, архиепископа Флорентийского, к которому была весьма расположена курия Клементя VI, обратить внимание папы на положение Людовика Тарантского. Недолго думая, принц, его советник и добрый прелат сели на судно и направились в Марсель, но, узнав по пути, что королеву держат в Эксе под замком, сошли на берег в Эг-Морт и поспешили в Авиньон. Там они сразу почувствовали, какое уважение и любовь питает папа к архиепископу Флорентийскому за его характер: авиньонская курия приняла Людовика с истинной отцовской добротой, чего он никак не ожидал. Когда он склонил колени перед первосвященником, его святейшество наклонился и ласково поднял принца, величая его при этом королем.

Через два дня другой прелат, архиепископ Экса, явился к королеве и, отвесив торжественный поклон, произнес следующую речь:

– Милостивейшая и возлюбленная государыня, позвольте самому скромному и преданному из ваших слуг от имени подданных вашего величества попросить прощения за тягостную, но необходимую меру, которую мы сочли своим долгом принять по отношению к вам. Когда вы прибыли в наши края, совету преданного вам города Экса из верных источников стало известно, что король Французский имеет намерение отдать нашу страну одному из своих сыновей, в

качестве возмещения передав вам иные свои владения, что герцог Нормандский отправился в Авиньон, чтобы лично испросить разрешение на сей обмен. Мы были полны решимости, государыня, и поклялись в том Всевышнему, скорее погибнуть всем до единого, нежели покориться гнусной французской тирании. Не желая доводить дело до кровопролития, мы решили беречь у себя вашу августейшую персону как священный залог, как архисвятыню, к коей ни одна живая душа не смеет прикоснуться без опасения быть пораженной громом небесным и которая отвратит от наших стен угрозу войны. Только что мы получили из Авиньона грамоту, в которой его святейшество запрещает эту гнусную сделку и ручается за ваше монаршее слово. Итак, мы целиком и полностью возвращаем вам свободу и отныне будем пытаться удержать вас у себя только уговорами и мольбами. Уезжайте, государыня, коли такова ваша воля, но, прежде чем вы покинете наши места, которые отъезд ваш повергнет в скорбь, позвольте нам надеяться, что вы простите то мнимое насилие, которое мы проявили по отношению к вам из боязни вас лишиться, и не забудьте, что в день, когда ваше величество перестанет быть нашею королевой, вы подпишете смертный приговор всем своим подданным.

Иоанна успокоила архиепископа и делегацию славного города Экса улыбкой, полной печали, и заверила их, что вечно будет помнить их любовь и верность. На сей раз она не могла ошибиться в истинности чувств дворян и народа, и столь

редкая преданность, выразившаяся в искренних слезах, тронула королеву до глубины души и заставила с горечью обратиться мыслями к своему прошлому. Но за лье до Авиньона ее ждал триумфальный прием. Навстречу ей вышел Людовик Тарантский и все кардиналы курии. Пажи в ярких нарядах несли над головой Иоанны алый бархатный балдахин, расшитый золотыми лилиями и украшенный плюмажами. Впереди шли красивые юноши и девушки в венках и пели королеве хвалу. По сторонам улиц, где следовал кортеж, в два ряда стояла живая людская изгородь, дома были расцвечены флагами, колокола звонили тройным перезвоном, словно в большой церковный праздник. Климент VI принял королеву в Авиньонском замке со всею пышностью, какой он окружал себя в торжественных случаях, после чего Иоанна разместилась во дворце кардинала Наполеоне Орсини, который после возвращения с конклава в Перудже построил в Вильневе это обиталище королей, где поселились папы.

Сегодня трудно представить, насколько необычным и шумным городом был в те времена Авиньон. С тех пор как Климент перенес папский престол в Прованс, в стенах этого соперника Рима появились площади, церкви, дворцы, где кардиналы купались в неслыханной роскоши. Все дела народов и королей рассматривались в Авиньонском замке. В городе можно было встретить посла любого двора, купца из любой страны, искателя приключений любой национальности; гудящие от разноголосицы улицы были запружены ита-

льянцами и венграми, испанцами и арабами, цыганами и евреями, солдатами и бродягами, шутами и поэтами, монахами и придворными. Тут перепутались языки, обычаи и наряды, это была невообразимая смесь роскоши и нищеты, пышных одеяний и рубищ, распутства и величия. Недаром средневековые поэты заклеямили в своих стихах этот проклятый, по их мнению, город именем нового Вавилона.

Во время пребывания в Авиньоне Иоанна своей королевской властью оставила после себя любопытный памятник. Возмущенная бесстыдством падших женщин, осквернявших своим присутствием все самое достойное в городе, неаполитанская королева издала знаменитый указ, первый в своем роде и в дальнейшем послуживший образцом для других ему подобных, по которому эти несчастные женщины, торговавшие своей честью, должны были жить в специальном пристанище, открытом круглый год, за исключением последних трех дней Страстной недели; доступ туда евреям был категорически запрещен. Этим своеобразным монастырем управляла аббатиса, избираемая каждый год. Были разработаны правила распорядка, за нарушение которых виновные строго наказывались. Законоведы того времени славил это полезное заведение на всех углах, прекрасные авиньонские дамы грудью встали на защиту королевы от порочащих ее репутацию слухов, все в один голос превозносили мудрость вдовы Андрея; в этот поток хвалы вмешивались лишь недовольные голоса отшельниц, которые без обиняков заяв-

ляли, что Иоанна Неаполитанская портит им весь промысел, поскольку стремится стать в нем монополисткой.

Между тем Мария Дураццо приехала к своей сестре. После гибели мужа ей удалось вместе с двумя малолетними дочерьми укрыться в монастыре Санта-Кроче, и, пока Людовик Венгерский сжигал очередных недругов, юной вдове, поменявшей одежду со старухой-монахиней, чудом удалось сесть на судно, отправлявшееся в Прованс. Мария поведала сестре о зверствах венгерского короля. Новые доказательства его ненависти к Иоанне не заставили себя ждать: в авиньонскую курию явились послы Людовика с просьбой предать королеву суду.

Это был великий день: Иоанна Неаполитанская сама защищала себя перед папой в присутствии авиньонских кардиналов, иностранных послов и прочих важных особ, съехавшихся со всех концов Европы, чтобы присутствовать на этой уникальной в анналах истории тяжбе. Представьте себе громадную залу, посредине которой на приподнятом над уровнем пола престоле восседает председатель Священной консистории, наместник Божий на земле, верховный судья, облеченный светской и духовной властью, обладающий людским и божественным могуществом. Справа и слева от него в расставленных полукругом креслах сидят кардиналы в пурпурных мантиях, а позади их Священной коллегии, занимая почти всю залу, расположилась курия – епископы, викарии, каноники, диаконы, архидиаконы и прочие предста-

вители разветвленной церковной иерархии. Прямо напротив папского престола был воздвигнут помост для Неаполитанской королевы и ее свиты. Перед папой стояли послы Людовика Венгерского, выполнявшие роль смиренных и немых обвинителей, поскольку само преступление и его доказательства были заранее обсуждены созданной для этой цели комиссией. Оставшуюся часть залы заполняла блестящая толпа из сановников, прославленных полководцев, иностранных посланников, соревновавшихся друг с другом в роскоши и высокомерии. Затаив дыхание, собравшиеся не сводили взгляда с помоста, откуда Иоанна должна была произнести речь в свою защиту. По зрителям то и дело пробегала дрожь возбуждения и любопытства; они походили на волнуемое ветерком поле ржи, среди которого алыми маками вышались кардиналы в пурпурных мантиях.

И вот появилась королева, поддерживаемая под руки своим дядей, престарелым кардиналом де Перигор, и теткой, графиней Агнессой. Иоанна вошла так скромно и в то же время гордо, лицо ее сияло такой грустью и невинностью, в ее взоре было столько беспомощности и вместе с тем твердости, что она еще не начала говорить, а сердца присутствующих уже были на ее стороне. В ту пору Иоанне было двадцать лет, она находилась в самом расцвете своей удивительной красоты, однако невероятная бледность скрадывала великолепие ее атласной нежной кожи, а исхудалое лицо несло следы очистительных страданий. Среди пожиравших ее гла-

зами зрителей можно было заметить молодого темноволосого человека с горящим взглядом и лицом, искаженным состраданием; позже мы его еще встретим, а сейчас, чтобы не рассеивать внимание читателя, скажем только, что это был инфант Мальорки Хайме Арагонский и что он был готов отдать всю свою кровь до последней капли, только бы удержать хоть одну из слезинок, дрожавших на ресницах королевы. Иоанна говорила робким, дрожащим голосом, то и дело останавливаясь, чтобы смахнуть с повлажневших глаз слезы или испустить вздох, идущий из самой глубины души. Она рассказывала о гибели мужа с такою мукой, так чистосердечно пеняла себя за растерянность и ужас, словно приковавшие ее к месту после этих страшных событий, с таким отчаянием закрывала лицо руками, словно стараясь сбросить с себя остатки безумия, что по собравшимся прошла дрожь ужаса и жалости. Все понимали, что даже если она говорит неправду, то боль ее сильна и неподдельна. Ангел, исчахнувший из-за совершенного им преступления, Иоанна лгала, словно сатана, однако бесконечные муки гордыни и угрызения совести раздирали ее тоже как сатану. Когда она закончила и, заливаясь слезами, попросила помощи и защиты от человека, узурпировавшего ее королевство, одобрительные возгласы, несшиеся со всех сторон, заглушили ее последние слова, множество рук потянулось к рукояткам мечей, и венгерским послам в смущении и стыде пришлось покинуть залу.

В тот же вечер, ко всеобщему удовлетворению, было объ-

явлено, что Иоанна Неаполитанская не виновна и не причастна к убийству своего мужа. Однако поскольку последующему поведению королевы и ее небрежению в преследовании преступников никаких оправданий не было, папа признал, что тут не обошлось без колдовства и что приписываемая Иоанне вина – не что иное, как наведенная на несчастную женщину порча, защититься от которой она не могла¹⁸. Одновременно его святейшество утвердил брак королевы с Людовиком Тарантским и пожаловал последнему орден Золотой Розы и титул короля Иерусалима и Сицилии.

Следует заметить, что накануне дня, когда ей был вынесен оправдательный приговор, Иоанна продала папе город Авиньон за восемьдесят тысяч флоринов.

Пока королева защищала себя перед папской курией, в Неаполитанском королевстве, а потом и во всей Италии разразилась эпидемия страшной болезни, называемой черной чумой, которую так хорошо описал Боккаччо. Согласно подсчетам Маттео Виллани, Флоренция потеряла три пятых своего населения, Болонья – две трети, да и по всей Европе потери были примерно такими же. Уставшие от варварства и алчности венгров неаполитанцы только и ждали случая, чтобы подняться на борьбу с чужеземными захватчиками и вернуть назад свою законную государыню, которую, несмотря ни на что, они продолжали любить – так на них действовала ее красота и молодость. Едва моровое поветрие внесло

¹⁸ Маттео Виллани, II, 24. (Примеч. автора.)

разброд в ряды войска и взволновало город, как тут же на головы тирана и его палачей посыпались проклятья. Оказавшись перед лицом угрозы гнева небесного и народного возмущения, испугавшись эпидемии восстания, Людовик Венгерский одной прекрасной ночью внезапно сбежал из Неаполя, оставив его на попечение одного из своих военачальников, Коррадо Лупо, сел в Барлетте на судно и покинул королевство, как это сделал несколько месяцев назад Людовик Тарантский.

Эти вести достигли Авиньона как раз в тот момент, когда папа собирался вручить королеве буллу об отпущении грехов. Тут же было решено отобрать королевство у наместника Людовика Венгерского. Никколо Аччаджуоли выехал в Неаполь, взяв с собою чудодейственную буллу, которая перед лицом всего народа должна была подтвердить невинность королевы, рассеять подозрения и возбудить всеобщий энтузиазм. Прежде всего советник направился в замок Мельци, гарнизоном которого командовал его сын Лоренцо: это была единственная крепость, не сдавшаяся врагу. Отец с сыном обнялись, испытывая законную гордость от того, что оба они, члены одной семьи, героически выполнили свой долг. Губернатор Мельци сообщил советнику Людовика Тарантского следующее: народ устал терпеть высокомерие и гнет врагов королевы, и заговор, имеющий целью вернуть на престол Иоанну и ее мужа и зародившийся в Неаполитанском университете, уже расползся по всему королевству, а чуже-

земное войско охвачено распрями. Неутомимый советник отправился из Апулии в Неаполь, останавливаясь по пути в деревнях и городах и громко заявляя об оправдании королевы, ее браке с Людовиком Тарантским, а также о прощении, которое папа обещал всем, кто окажет дружеский прием своим законным монархам. Увидев, что народ кричит повсюду: «Да здравствует Иоанна! Смерть венграм!», он вернулся к своим повелителям и доложил, в каком умонастроении пребывают их подданные.

Иоанна, набрав в долг денег, где только могла, снарядила галеры и 10 сентября 1348 года вышла из Марселя в море вместе с мужем, сестрами и двумя верными советниками – Аччаджуоли и Спинелли. Не имея возможности войти в гавань, которая находилась в руках врага, король с королевой высадились в Санта-Мария-дель-Кармине близ Себето и под рукоплескания жителей в сопровождении неаполитанских дворян направились во дворец мессира Аджоторио близ Порта-Капуана, тогда как Никколо Аччаджуоли во главе сторонников королевы повел столь успешную осаду городских замков, в которых укрепились венгры, что вскоре часть врагов вынуждена была сдаться в плен, а остальные рассеялись по королевству. Мы не станем описывать труднейший поход Людовика Тарантского по Апулии, Калабрии и Абруцци, во время которого он обнаружил не одну крепость, занятую врагом. Проявив беспримерное мужество и терпение, он постепенно овладел почти всеми более или ме-

нее значительными укрепленными пунктами, но обстоятельства вдруг резко переменились, и бранная Фортуна вторично показала ему спину. Немецкий военачальник по имени Вернер, который дезертировал из венгерской армии и продался королеве, вдруг вновь продался венграм и, позволив Коррадо Лупо, наместнику Людовика Венгерского, захватить себя врасплох при Корнето, открыто перешел на его сторону вместе с множеством наемников, сражавшихся под его знаменами. Это неожиданное предательство заставило Людовика Тарантского вернуться в Неаполь, и вскоре венгерский король, узнав, что его войска вновь собрались вместе и ждут лишь его возвращения, чтобы двинуться на столицу, высадился с крупным отрядом кавалерии в порту Манфредония, после чего, захватив Трани, Каноссу и Салерно, осадил Аверсу.

Для Иоанны и ее мужа это было как гром среди ясного неба. Венгерское войско состояло из десяти тысяч всадников и более семи тысяч пехотинцев, тогда как Аверсу защищали всего пятьсот солдат под началом Джакомо Пиньятелли. Несмотря на столь колоссальный перевес врага, неаполитанский военачальник яростно отбил первый приступ, и сражавшийся в первых рядах венгерский король был ранен стрелой в ногу. Видя, что взять город штурмом ему не удастся, Людовик решил уморить его жителей голодом. В течение последующих трех месяцев осажденные выказывали чудеса мужества, однако держаться становилось все труднее, и венгры со дня на день ждали, что защитники города капитули-

ругают, если, конечно, не решат погибнуть все до единого. Рено де Бо, который должен был прийти из Марселя с десятью галерами для защиты гавани и города, а также чтобы в случае нужды помочь королеве спастись, задерживался где-то в пути из-за встречных ветров. Казалось, все на свете было на руку врагу. Людовик Тарантский, чья благородная душа противилась тому, чтобы его смельчаки проливали кровь в неравном бою, поступил как истинный рыцарь, предложив венгерскому королю решить их спор в поединке. Вот подлинные тексты письма Людовика Тарантского и полученного им ответа:

«Прославленный король Венгрии, пришедший захватить наше королевство! Мы, Божией милостью король Иерусалима и Сицилии, вызываем вас на поединок. Нам известно, что гибель ваших копейщиков и прочих варваров, которых вы привели с собой, беспокоит вас не более, чем если бы это были псы, но мы, опасаясь бед, могущих приключиться с нашими солдатами и рыцарями, желаем сразиться лично с вами, чтобы положить конец войне и вернуть мир нашему королевству. Кто из нас двоих победит, тот и будет королем. А чтобы поединок состоялся по всем правилам, мы предлагаем провести его или в Париже, в присутствии французского короля, или в Перудже, или в Авиньоне, или в Неаполе. Выберите одно из этих четырех мест и сообщите свой ответ».

Выслушав мнение совета, венгерский король ответил так:

«Великий король, мы прочитали и приняли к сведению письмо, отправленное вами с присутствующими тут гонцами, и ваш вызов на поединок пришелся нам в высшей степени по душе, однако мы не можем согласиться ни с одним из предложенных вами мест его проведения, поскольку все они по многим причинам вызывают наше подозрение. Король Франции является вашим предком по материнской линии, и хотя мы тоже связаны с ним кровными узами, он нам не столь близкий родственник. Город Авиньон действительно принадлежит главе церкви, но вместе с тем является столицей Прованса и всегда подчинялся вам. Не больше мы доверяем и Перудже, поскольку этот город вам предан. Что же до Неаполя, то даже нет нужды писать, что мы его отвергаем, поелику он восстал против нас и сейчас в нем правите вы. Но ежели вам все же угодно сразиться с нами, пусть это произойдет в присутствии германского императора, верховного властителя, или короля Английского, с которым мы оба находимся в дружбе, или же доброго католика патриарха Аквилейского. Если же вам не понравится ни одно из предложенных нами мест, то, дабы исключить дальнейшие отговорки и затяжки, мы вскоре будем у вас вместе с нашим войском. Выходите к нам навстречу, и мы сможем начать поединок на глазах у наших солдат».

После обмена письмами вызов Людовика Тарантского

дальнейшего продолжения не имел. Гарнизон Аверсы сдался, хотя и оказал героическое сопротивление; все прекрасно понимали, что если венгерский король сумеет дойти до стен Неаполя, то завладеет городом, не подвергая опасности свою жизнь. По счастью, провансальские галеры достигли наконец гавани. В самый последний момент королева с мужем успели выйти в море и добраться до Гаэты. Венгерская армия стояла уже перед Неаполем. Город решил сдаться и выслал к венгерскому королю послов со смиренной просьбой даровать им мир, однако венгры ответили им столь заносчиво, что возмущенные жители города взялись за оружие, готовые защищать свои очаги до последней капли крови. Пока неаполитанцы сражались с врагом у Порта-Капуана, на другом конце города происходил странный эпизод, красочно рисующий те времена с их варварскими нравами и бесчестным предательством. Вдова Карла Дураццо, укрывавшаяся в замке д'Ово, в страшном нетерпении поджидала галеру, на которой собиралась присоединиться к королеве. Сжимая в объятиях заплаканных дочерей, бедняжка Мария – бледная, с растрепанными волосами, искаженным лицом и блуждающим взглядом – прислушивалась к каждому шороху, разрываясь между страхом и надеждой. Внезапно в коридоре раздались шаги и послышался хорошо знакомый ей голос. Мария упала на колени и радостно вскрикнула: это явился ее спаситель.

Рено де Бо, адмирал провансальской эскадры, почтитель-

но приблизился; чуть позади держались его старший сын и капеллан.

– Хвала Создателю, мы спасены! – воскликнула Мария, поднимаясь с колен.

– Минутку, сударыня, – жестом остановил ее Рено. – Спасены, но при одном условии.

– При каком условии? – пролепетала пораженная принцесса.

– Послушайте, сударыня; венгерский король, погубитель вашего мужа, который мстит за смерть Андрея, уже у ворот Неаполя; жители города и солдаты скоро будут побеждены, несмотря на всю их отвагу, и тогда армия-победительница огнем и мечом станет сеять повсюду опустошение и смерть. На сей раз венгерский палач не поскупится на жертвы: он станет убивать матерей на глазах у детей и детей на руках у матерей. Подъемный мост, ведущий в этот замок, опущен, и на страже нет ни одного солдата – все, кто способен держать в руках меч, находятся на другом конце города. Горе вам, Мария Дураццо, если король Венгерский вспомнит, что вы отдали предпочтение его сопернику!

– Но разве вы явились не за тем, чтобы меня спасти? – вскричала Мария голосом, полным смертельной тревоги. – Разве моя сестра Иоанна не приказала вам доставить меня к ней?

– Ваша сестра находится уже не в том положении, чтобы отдавать приказы, – с презрительной улыбкой ответил Ре-

но. – Ей остается лишь благодарить меня за то, что я спас жизнь ей, равно как ее мужу, трусливо сбежавшему при появлении человека, которого он осмелился вызвать на поединок.

Мария пристально посмотрела на адмирала, словно желая удостовериться, что это именно он столь вызывающе говорит о своих хозяевах, однако, напуганная невозмутимым выражением его лица, мягко продолжала:

– Поскольку свою жизнь и жизнью моих детей я буду обязана вашему благородству, то я заранее бесконечно вам признательна. Но поспешим же, господин граф: мне то и дело слышатся вопли о мщении. Вы ведь не оставите меня на растерзание свирепым врагам?

– Сохрани Господь, сударыня! Я готов спасти вас, рискуя собственной жизнью, но, как уже говорил, лишь при одном условии.

– Каким же? – с вынужденным смирением спросила Мария.

– При условии, что вы прямо сейчас выйдете замуж за моего сына в присутствии нашего почтеннейшего капеллана.

– Наглец! – попятившись, вскричала Мария, и лицо ее запылало от стыда и презрения. – Да как ты смеешь вести такие речи с сестрой своей законной государыни? Благодарю Бога, что я готова отнести это оскорбление на счет мимолетного умопомрачения, и попытаюсь преданностью загладить свою вину.

Ни слова не говоря, граф, сделав знак сыну и священнику, направился к выходу. Когда он уже занес ногу над порогом, Мария бросилась к графу и, стиснув руки, именем Господа принялась умолять его одуматься.

– Я мог бы отомстить, – проговорил Рено, – за оскорбление, которое вы мне нанесли, столь высокомерно отказав моему сыну, но я оставлю мщение за Людовиком Венгерским: он справится с этим наилучшим образом.

– Пожалейте моих бедных дочерей! – твердила принцесса. – Пожалейте хотя бы их, раз мои слезы не способны вас тронуть.

– Если бы вы и впрямь любили своих детей, – нахмурившись, ответил адмирал, – то уже приняли бы решение.

– Но я же не люблю вашего сына! – воскликнула Мария дрожащим от гордости голосом. – О Боже, неужто возможно такое надругательство над чувствами бедной женщины! Святой отец, вы же исповедуете истину и справедливость, так хоть вы объясните этому человеку, что нельзя призывать в свидетели Всевышнего, когда клятву вырывают у слабого и отчаявшегося существа!

И, повернувшись к сыну адмирала, она сквозь слезы продолжала:

– Вы молоды, возможно, любимы и когда-нибудь непременно полюбите сами. Я обращаюсь к вашему прямодушию, к вашей рыцарской учтивости, ко всем благородным порывам вашей души: помогите мне убедить вашего отца отка-

заться от этого ужасного замысла. Вы никогда меня не видели и не знаете, а вдруг в глубине сердца я кого-нибудь люблю? Ваша гордость должна восстать при виде того, как обижают молодую женщину, которая лежит у ваших ног и просит милосердия и защиты. Одно ваше слово, Робер, и я буду всю жизнь благословлять вас, вы навсегда останетесь в моей душе как ангел-хранитель, а мои дети запомнят ваше имя, чтобы каждый вечер повторять его, моля Бога об исполнении ваших желаний. Скажите же, что спасете меня. Кто знает, быть может, когда-нибудь я вас действительно полюблю.

– Я обязан повиноваться отцу, – ответил Робер, не поднимая глаз на прекрасную просительницу.

Священник хранил молчание. Прошло несколько минут; участники сцены, погруженные в свои мысли, сохраняли полную неподвижность, словно статуи, поставленные по углам чьей-то гробницы. За этот короткий, но страшный промежуток времени Мария трижды испытывала желание броситься в море. Но внезапно до ее слуха донесся отдаленный ропот, который неуклонно приближался; наконец уже можно было различить отчаянные голоса женщин:

– Спасайтесь! Спасайтесь! Господь нас покинул! Венгры в городе!

Дети Марии тут же расплакались, а младшая, Маргарита, протянув ручонки к матери, выражала свой ужас совсем не детскими словами. Рено, не глядя на эту трогательную сцену, увлек сына к двери.

– Стойте! – проговорила принцесса, протягивая руку в торжественном жесте. – Раз Господь не посылает моим детям иной помощи, значит, ему угодно, чтобы жертва была принесена.

С этими словами, упав на колени перед священником, принцесса склонила голову, словно жертва под топором палача. Робер де Бо занял место рядом с нею, и священник, произнеся слова, которые связывали их навеки, освятил бесчестное насилие святотатственным благословением.

– Все кончено, – прошептала вдова Дураццо, бросив на детей взор, полный слез.

– Нет, еще не все, – твердо возразил адмирал, подталкивая женщину к другой комнате. – Прежде чем мы отправимся, брак должен быть довершен.

– Боже милосердный! – душераздирающим голосом воскликнула принцесса и упала без чувств.

Рено де Бо направил галеры в сторону Марсея, где намеревался возложить на голову сына корону графа Прованского благодаря его необычному браку с Марией Дураццо. Однако это подлое предательство не осталось безнаказанным. Поднялся сильнейший шторм, который отнес суда к Гаэте, куда как раз только что прибыли королева с мужем. Рено велел матросам не приближаться к берегу, суля бросить в море любого, кто осмелится нарушить его приказ. Сперва матросы лишь глухо роптали, но вскоре повсюду зазвучали крики: «Смерть адмиралу!» – и тот, поняв, что погиб, от угрозы пе-

решел к мольбам. Принцесса, которая при первом же раскате грома пришла в чувство, вышла на палубу и стала звать на помощь:

– Сюда, Людовик! Сюда, мои бароны! Смерть негодьям, столь подло оскорбившим меня!

Людовик Тарантский вместе с десятком наиболее отважных рыцарей бросился в шлюпку. Они налегли на весла и быстро доплыли до галеры. Мария, одним духом рассказав о том, что произошло, повернулась к адмиралу, словно запрещающая тому оправдываться, и бросила на него испепеляющий взгляд.

– Негодяй! – вскричал король и, бросившись на предателя, пронзил его мечом.

Потом он велел заковать в цепи сына адмирала и недостойного священника как соучастника гнусного насилия, которое адмирал уже искупил смертью, после чего пересадил к себе в шлюпку принцессу с дочерьми и вернулся в гавань.

А тем временем венгры, прорвавшись в город через одни из ворот, торжествующе приближались к Кастельнуово. Однако, когда они пересекали площадь Корреджие, неаполитанцы обратили внимание, что лошади захватчиков так слабы, а всадники так измождены после осады Аверсы, что стоит только дунуть, и эта армия призраков рассеется. Сменив страх на отвагу, народ бросился на победителей и выгнал их вон из города, в который они только что вступили. Это внезапное народное возмущение несколько смирило гордыню

венгерского короля и сделало его уступчивее к предложениям Климента VI, который считал наконец долгом вмешаться. Первоначальное перемирие длилось с февраля 1350-го по начало апреля 1351 года, а на следующий год превратилось в мир, который Иоанна заключила, возместив венгерскому королю военные издержки в размере трехсот тысяч флоринов.

После ухода венгров папа прислал легата для коронации Иоанны и Людовика Тарантского; торжество было назначено на 25 мая, в Троицын день. Историки того времени с восторгом описывают это великолепное празднество, навеки запечатленное Джотто на фресках церкви, которая по этому случаю получила название «Инкороната». Была объявлена амнистия для всех, кто в предыдущих войнах сражался на той или иной стороне; радостные возгласы раздавались вокруг короля с королевой, когда они торжественно ехали верхом под балдахин, сопровождаемые всеми баронами королевства.

Однако радость была в этот день омрачена происшествием, которое суеверные неаполитанцы расценили как недоброе предзнаменование. Верхом на коне, покрытом богатой попоной, Людовик Тарантский въехал в Порта-Петручча, и дамы, наблюдавшие за кортежем сверху, из окон своих домов, засыпали его таким множеством цветов, что конь, испугавшись, стал на дыбы и порвал узду. Король, не справившись со скакуном, легко соскочил на землю, но уронил при

этом корону, которая упала на землю и разбилась на три части. В этот же день скончалась единственная дочь Иоанны и Людовика.

Между тем король, не желая, чтобы столь блестящая церемония была омрачена знаками траура, велел в течение трех дней устраивать всяческие турниры и поединки и в память о своей коронации учредил рыцарский орден Узла. Но начиная с дня, отмеченного дурным предзнаменованием, жизнь его обернулась чередой жестоких разочарований. После войн на Сицилии и в Апулии, а также усмирения мятежа Людовика Дураццо, который окончил свои дни в темнице замка д'Ово, Людовик Тарантский, изнуренный удовольствиями, подтачиваемый медленным недугом и уставший от несчастий в стране, скончался от тяжелой лихорадки 5 июня 1362 года в возрасте сорока двух лет. Не успели опустить его гроб в могилу королевской усыпальницы в церкви Сан-Доменико, как несколько претендентов стали оспаривать руку королевы.

Победителем оказался инфант Мальорки – о нем мы уже упоминали, – которому удалось одолеть всех соперников, включая даже сына короля Французского. Хайме Арагонский обладал той мягкой и меланхоличной внешностью, перед которой не может устоять ни одна женщина. Юность его, словно погребальным крепом, была покрыта пеленою несчастий: тринадцать лет провел он взаперти в железной клетке; освободившись из этой ужасной тюрьмы с помощью подде-

ланного ключа, он стал скитаться по дворам Европы, пытаюсь вернуть свое королевство, и говорят даже, что, дойдя до крайней нищеты, он просил милостыню. Красота юного иностранца и его рассказ о том, что он пережил, поразили Иоанну и Марию еще в Авиньоне. У Марии вспыхнула страсть к инфанту, усугублявшаяся тем, что молодой женщине стоило больших трудов тайно хранить ее у себя в сердце. Когда Хайме Арагонский прибыл в Неаполь, несчастная принцесса, выданная замуж, можно сказать, под угрозой кинжала, решила купить себе свободу ценой преступления. В сопровождении четырех вооруженных человек она вошла однажды в тюрьму, где Робер де Бо томился во искупление греха, совершенного скорее его отцом, нежели им самим. Скрестив руки на груди, побелевшая, с трясущимися губами, Мария встала перед узником. Свидание было ужасным. На сей раз угрожала принцесса, а молодой человек молил о милосердии. Но Мария осталась глуха к его просьбам, и голова несчастного скатилась к ее ногам, а тело палачи выбросили в море. Однако Господь покарал преступницу: Хайме предпочел ей королеву, а на долю вдовы Дураццо осталось лишь презрение любимого человека да угрызения совести, которые в конце концов свели ее совсем молодой в могилу.

Иоанна была замужем за Хайме Арагонским, сыном короля Мальорки, а потом за Оттоном Брауншвейгским из Саксонской династии. Этих лет мы коснемся лишь вскользь, поскольку спешим добраться до развязки этой истории о зло-

действиях и искуплении. Хайме, отлученный от супруги, продолжал вести бурную жизнь, долгое время сражался в Испании против Педро Жестокого¹⁹, который узурпировал его королевство, и погиб под Наваррой в конце 1375 года. Что же до Оттона, то и он не избежал божественного возмездия, тяготевшего над Неаполитанским двором, но отважно разделял участь королевы до самого конца. Видя, что у нее нет законного наследника, Иоанна усыновила своего племянника, Карла Мирного, получившего это прозвище в честь заключения Тревизского мира. Этот молодой человек был сыном Людовика Дураццо, который бесславно окончил свои дни, заточенный в замке д'Ово. Сын должен был разделить участь отца, но тут в его жизнь вмешалась Иоанна и, осыпая благодеяниями, женила на Маргарите, дочери ее сестры Марии и Карла Дураццо, задушенного венгерским королем.

Вскоре у Иоанны возникли серьезные распри с одним из ее бывших подданных, Бартоломео Приньяни, который стал папой Урбаном VI. Раздраженный непокорностью королевы, папа в приступе гнева заявил однажды, что он заточит ее в монастырь прясть пряжу. Чтобы отомстить за это оскорбление, Иоанна открыто стала на сторону антипапы Климента VII²⁰, предложив ему убежище у себя в замке, когда тот, преследуемый войсками Урбана, бежал в Фонди. Но народ вос-

¹⁹ *Педро Жестокий* (1334–1369) – король Кастилии в 1350–1369 гг.

²⁰ Против избрания Урбана VI (1378 г.) протестовали многие кардиналы и выбрали на его место Роберта Женевского (Климента VII).

стал против Климента, убил архиепископа Неаполитанского, голосовавшего за него на выборах, сломал крест, который во время процессии несли перед антипапой, и тот едва успел сесть на галеру, отправлявшуюся в Прованс. Урбан низложил Иоанну, освободил ее подданных от клятвы на верность и отдал корону короля Иерусалима и Сицилии Карлу Мирному, который пошел походом на Неаполь во главе восьмитысячного венгерского войска. Королева, не в силах поверить в подобную неблагодарность, выслала навстречу приемному сыну его жену Маргариту, которую держала у себя в качестве заложницы, и двух его детей – Владислава и Иоанну, также ставшую впоследствии королевой. Но победоносная армия вскоре подошла к Неаполю, и Карл окружил замок королевы, в своей неблагодарности забыв, что эта женщина спасла ему жизнь и заменила мать.

Во время осады Иоанна вынесла столько, сколько не вынести и самому закаленному в тяготах войны солдату. Оставшиеся ей верными люди умирали вокруг нее от голода и лихорадки. Лишив королеву возможности запастись продовольствием, враг стал ежедневно бомбардировать осажденных полуразложившимися трупами, чтобы заразить воздух в крепости. Оттон с войском задерживался в Аверсе, Людовик Анжуйский, брат французского короля, которого Иоанна объявила своим наследником вместо взбунтовавшегося племянника, на помощь не шел, а галеры, обещанные Климентом VII, прибыли в гавань, когда все было уже кончено.

Иоанна попросила о пятидневном перемирии, после которого обещала сдать крепость, если Оттон не придет на выручку.

На пятый день со стороны Пьедигротто появился Оттон с войсками. Завязалась схватка, и Иоанна, стоя на башне, наблюдала за облаком пыли, вздымаемой лошадьёю ее супруга там, где бой был самым жарким. Его исход долго оставался неясным; в конце концов принц, желая схватиться с врагом лицом к лицу, стал прокладывать себе путь к королевскому штандарту и врезался в неприятельские ряды так глубоко, что, окруженный со всех сторон, залитый потом и кровью, со сломанным мечом в руке, вынужден был сдаться. Часом позже Карл уже писал своему дяде, венгерскому королю, что взял Иоанну в плен и теперь ждет распоряжений его величества относительно ее участи.

Стояло ясное майское утро; королева находилась под стражей в Аверсе, Оттон был отпущен на свободу при условии, что покинет Неаполь, Людовик Анжуйский, собрав пятнадцатитысячную армию, спешил покорить все королевство. До Иоанны новости не доходили: уже несколько дней она пребывала в полном одиночестве. Весна со всею пышностью расположилась на волшебных равнинах, прозванных счастливой и благословенной землей, *campagna felice*. Апельсинные деревья, покрытые белоснежной благоухающей пеной, стройные черешни с рубиновыми ягодами, оливы с их мелкой изумрудной листвою, гранатник, усеянный красными колокольчиками цветов, дикая шелковица, вечнозеленый лавр

— вся эта пышная растительность, не требующая ухода человека в этих излюбленных природой местах, образовывала как бы громадный сад, который был там и сям прорезан тихими тенистыми тропками, окаймленными живой изгородью и орошаемыми подземными источниками. Этот очаровательный уголок мира походил на позабытый Эдем. Облокотившись о подоконник, Иоанна вдыхала весенние ароматы; ее подернутые влагой глаза отдыхали на ковре из травы и цветов; легкий ветерок, неся с собой благоухание, освежал ее горящий лоб и покрытое лихорадочной испариной лицо. И только далекие мелодичные голоса, напевавшие хорошо знакомую песенку, нарушали тишину убогой комнатки, одинокого гнезда, где в слезах и раскаянии угасала самая блистательная и беспокойная женщина этого бурного и яркого века.

Королева медленно перебирала в памяти всю свою жизнь с тех пор, как себя помнила: пятьдесят лет разочарований и мук. Сначала ей вспомнилось счастливое, нежное детство, слепая любовь деда, чистые и наивные ребячьи радости, шумные игры с младшими сестрами и более старшими кузенами. Затем королева вздрогнула; она подумала о своем замужестве, стеснении, утраченной свободе, горьких сожалениях; с ужасом вспомнила она о лживых словах, нашептываемых ей на ухо, чтобы посеять в ее юном сердце семена греха и разврата, которые отравили ей потом всю жизнь. Жгучие воспоминания о первой любви, вероломство и уход Робер-

та Кабанского, минуты упоения в объятиях Бертрана д'Артуа, пролетевшие, как сон, – вся драма с ее трагической развязкой огненными чертами вырисовывалась на темном фоне печальных мыслей королевы. Потом в душе у нее зазвучали крики ужаса, как в ту страшную, роковую ночь. Это был голос умирающего Андрея, просившего у злодеев пощады. За этой жуткой агонией последовало долгое молчание смерти: перед глазами Иоанны проплывали позорные телеги, на которых истязали ее сообщников. Дальше были одни преследования, бегство, изгнание, угрызения совести, кары небесные, земные проклятия. Вокруг королевы образовалась пугающая пустота: муж, любовники, родня, друзья – все, кто ее окружал, мертвы, все, кого она любила или ненавидела, перестали существовать, и ее радости, огорчения, желания, надежды исчезли навсегда. Несчастливая королева, не в силах более выносить эти скорбные картины, выбросила из головы ужасные воспоминания и, преклонив колени на скамеечке, принялась истово молиться и горько плакать. Несмотря на крайнюю бледность, она была еще хороша собой: благородный и чистый овал лица, прекрасные черные глаза, освещенные огнем неподдельного раскаяния, губы, улыбающиеся небесной улыбкой в надежде на прощение.

Внезапно дверь в комнату, где Иоанна так самозабвенно молилась, с грохотом распахнулась: два венгерских барона в латах знаком велели королеве следовать за ними. Иоанна молча встала и послушно пошла за баронами, но, когда узна-

ла место, где Андрей и Карл Дураццо погибли насильственной смертью, из груди у нее вырвался крик отчаяния. Однако, собрав последние силы, она ровным голосом поинтересовалась, почему ее сюда привели. И тогда один из баронов показал ей шитую золотом шелковую ленту...

– Да свершится правосудие Господне! – падая на колени, вскричала Иоанна.

Через несколько минут страдания ее прекратились.

Это был третий труп, сброшенный с балкона в Аверсе.